

ДЕМОКРАТИЯ И РЫНОК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США / ИЮНЬ 2008
ТОМ 13 / НОМЕР 6

<http://www.america.gov/publications/ejournalusa.html>

Международные информационные программы:

Координатор	Джереми Ф. Кертин
Главный редактор	Джонатан Марголис

Директор по художественным вопросам	Джордж Клэк
Ответственный редактор	Ричард У. Хакаби
Исполнительный редактор	Брюс Одесси
Заведующий производственным отделом	Сьюзан Л. Донер
Заместитель заведующего производственным отделом	Сильвия Скотт
Постановщик программ онлайн	Джэни Перри
Технический редактор	Розали Таргонски

Фоторедактор	Мэгги Дж. Слайкер
Дизайнер обложки	Дайан Вулвертон
Художник компьютерной графики	Винсент Хьюз
Специалисты по справочной информации	Мартин Мэннинг Анита Н. Грин

Бюро международных информационных программ Государственного департамента США издает ежемесячный электронный журнал под названием *eJournal USA*. В выпусках этого журнала обсуждаются важные проблемы, актуальные для Соединенных Штатов и международной общественности, а также американское общество и его ценности, идеи и институты.

Журнал выходит ежемесячно на английском языке, с последующими переводами на французский, португальский, русский и испанский языки. Отдельные выпуски появляются также на фарси, арабском и китайском языках. Любой выпуск журнала можно найти в каталоге по его тому и номеру.

Мнения авторов журнала не обязательно отражают точку зрения или политику правительства США. Государственный департамент США не несет ответственности за содержание веб-сайтов, ссылки на которые содержатся в журнале, и за обеспечение доступа к ним; за это полностью отвечают издатели таких сайтов. Публикуемые в журнале статьи, фотографии и иллюстрации разрешается воспроизводить и переводить за пределами Соединенных Штатов при отсутствии ясно оговоренных ограничений, связанных с авторскими правами; в противном случае необходимо получить разрешение указанного в журнале владельца таких прав.

Бюро международных информационных программ сохраняет текущий и прошлые номера журнала в нескольких электронных форматах на сайте <http://www.america.gov/publications/ejournalusa.html>. Просьба направлять комментарии и замечания в посольство США Вашей страны или в редакцию журнала по адресу:

Editor, *eJournal USA*
IP/PUBJ
U.S. Department of State
301 4th Street, SW
Washington, DC 20547
United States of America
Наш электронный адрес: eJournalUSA@state.gov

Страны с высоким рейтингом открытости рынков и демократии

Страны, выделенные жирным шрифтом, включены в оба списка

Ведущие 20 стран по индексу экономической свободы

1. Гонконг	11. Дания
2. Сингапур	12. Эстония
3. Ирландия	13. Нидерланды
4. Австралия	14. Исландия
5. Соединенные Штаты	15. Люксембург
6. Новая Зеландия	16. Финляндия
7. Канада	17. Япония
8. Чили	18. Маврикий
9. Швейцария	19. Бахрейн
10. Соединенное королевство	20. Бельгия

Источник: «Фонд наследия» и газета «Уолл-стрит-джорнал»

Ведущие 20 стран по индексу демократии

1. Швеция	13. Германия
2. Исландия	14. Австрия
3. Нидерланды	15. Мальта
4. Норвегия	16. Испания
5. Дания	17. Соединенные Штаты
6. Финляндия	18. Чешская Республика
7. Люксембург	19. Португалия
8. Австралия	20. Бельгия/ Япония
9. Канада	
10. Швейцария	
11. Ирландия/ Новая Зеландия	

Источник: Экономист© Экономист ньюспейпер лимитед 2007

В этом номере

Комиссия по экономическому росту и развитию при Всемирном банке недавно опубликовала отчет, в котором проанализировала факторы, способствующие экономическому росту развивающихся стран. Международная группа специалистов, в состав которой входили два нобелевских лауреата, пришла к выводу, что важнейшим фактором являются «заслуживающие доверия, деятельные органы власти, включающие представителей различных социально-политических групп». Среди других обстоятельств, влияющих на экономику, комиссия назвала «уровень обсуждения» в стране государственной политики, эффективность борьбы с коррупцией и равные возможности для всех – то есть всё то, что обычно ассоциируется с демократией.

Примерно то же показывает и график. Если сравнить 20 стран, занимающих первые места в рейтинге Индекса экономической свободы, и 20 стран, первых по Индексу демократии, что мы увидим? Значительное совпадение этих двух групп. В обоих списках присутствуют одни и те же тринадцать стран. По-видимому, как минимум существует связь между эффективным свободным рынком и демократической формой организации общества.

Майкл Мандельбаум, автор новой книги «Доброе имя демократии», высказывается более конкретно. «Основным источником политической демократии, – пишет он в текущем выпуске *eJournal USA*, – является рыночная экономика. Конечно, и раньше существовали, и продолжают существовать страны с рыночной экономикой, но без

демократической политики, однако в XXI веке все страны с демократической формой правления имеют рыночную экономику». В то же время профессор, преподаватель государственной политики Роберт Райх свою статью, вышедшую в прошлом году в серьезном журнале «Внешняя политика» (*Foreign Policy*), назвал «Как капитализм уничтожает демократию».

Ясно, что связь между рынком и демократией не прямолинейна. С тех пор как в 1776 году Адам Смит написал «Исследование о причинах и природе богатства народов», об их сложных взаимоотношениях спорили такие крупные мыслители-экономисты, как Макс Вебер, Йозеф Шумпетер и Лестер Туроу. Возможен ли свободный рынок без демократии? Что здесь первично? Может ли мощный универсальный стимул экономического роста привести к развитию демократии в недемократических странах?

Международные эксперты предлагают в этом номере ответы на некоторые из поставленных вопросов и указывают на такие важные параметры, как возможности накопления капитала, роль общественного доверия, а также предлагают концепцию «гласа народа» и ответственности власти. Однако мы ставим перед собой задачу не разрешить многовековой интеллектуальный спор, а углубить представления наших читателей о некоторых аспектах вопроса, который сегодня, бесспорно, имеет большое значение для каждого жителя планеты.

Редакция

ДЕМОКРАТИЯ И РЫНОК

4 Корни современной демократии

МАЙКЛ МАНДЕЛЬБАУМ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ПРОФЕССОР, ВЫСШАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ УНИВЕРСИТЕТА ДЖОНСА ХОПКИНСА

Свобода и самоуправление – две составляющие демократии. Вначале появляется свободный рынок и создает надлежащие условия для возникновения демократии.

8 Степени демократии и глобализация

ЧАН ХЕНГ ЧИ, ПОСОЛ СИНГАПУРА В США

Страны могут иметь разную степень свободы. Открытый рынок – необходимое, но недостаточное условие для демократии. Опыт последних лет показывает, что открытый рынок предшествует демократии.

ВОЗМОЖНОСТИ ОБРЕТЕНИЯ БОГАТСТВА

10 Корни современного капитализма

БРЮС СКОТТ, ПРОФЕССОР ДЕЛОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Обычно капитализм и демократия не возникали одновременно. Встает новый вопрос: будут ли они по-прежнему доминировать в мировых системах коммерции и государственного управления.

13 Развитие рыночных отношений без демократизации в Китае

КЕЛЛИ С. ЦАЙ, ПРОФЕССОР ПОЛИТОЛОГИИ УНИВЕРСИТЕТА ДЖОНСА ХОПКИНСА

Не ожидайте возникновения демократии в Китае в ближайшее время. Вместо этого процветающая экономика и рост доходов могут пойти на пользу умело приспособляющемуся коммунистическому правительству.

16 Свободный рынок и демократия: кубинский опыт

ОСКАР ЭСПИНОЗА ЧЕПЕ, ЭКОНОМИСТ

Десятилетия тирании централизованного управления свели на нет экономику Кубы. Без свободы народ Кубы никогда не сможет влиться в глобализующуюся экономику.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ

18 Демократия, свободное предпринимательство и доверие

УИЛЬЯМ А. РАЙНЦ, ПРЕЗИДЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Свободные рыночные отношения, как правило, укрепляют демократию. Демократия же иногда укрепляет свободный рынок, а иногда нет.

22 Рыночная экономика без демократии в странах Персидского залива

ЖАН-ФРАНСУА СЕЗНЕК, ПРИГЛАШЕННЫЙ ДОЦЕНТ ДЖОРДЖ-ТАУНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ГОСУДАРСТВАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА
рынок в основном свободный, но нет свободных выборов. Правители этих стран делятся с народом плодами экономического роста, но не политической властью.

26 Демократия и капитализм: разделение близнецов

ИВАН КРАСТЕВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРА ЛИБЕРАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ
Существовали опасения, что Центральная Европа с радостью примет демократию и отвергнет рыночную экономику. Оказалось, что Центральная Европа приняла свободные рыночные отношения, но разочаровалась в демократии.

29 **Последствия этнических раздоров**

До Шин, профессор политологии, и Кристофер Реймонд, аспирант и лектор-ассистент Университета штата Миссури

Исследования показывают, что политические и экономические реформы смягчают этнические конфликты даже в тех странах, в экономике которых доминирует этническое меньшинство.

ГОЛОС НАРОДА И ПОДОТЧЕТНОСТЬ ВЛАСТИ

33 **Демократия и развитие: проблемные крайности**

Дэниел Кауфманн, директор отделения государственного управления Института Всемирного банка

В долгосрочной перспективе свобода слова и прессы в союзе с подотчетностью демократического правительства народу приводят к положительным переменам в экономическом развитии.

38 **Приведет ли более свободный рынок к более демократическому устройству России?**

Андерс Аслунд, старший научный сотрудник Института международной экономики им. Петерсона

Несмотря на экономический бум, уровень образования и относительно открытое общество, Россия повернула назад – к авторитарному правлению. Причина этого – коррупция.

41 **Библиография и фильмография**

Корни современной демократии

Майкл Мандельбаум

Свобода слова и другие права и свободы в Южной Корее последовали за свободным рынком

Свобода и самоуправление – две составляющие демократии, считает Майкл Мандельбаум. Вначале появляется свободный рынок и создает надлежащие условия для возникновения демократии. Мандельбаум, профессор кафедры Кристиана А. Хертера, ведет курс американской внешней политики в Высшей школе международных исследований университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне, округ Колумбия. Ему принадлежит публикация «Доброе имя демократии: возвышение и риски самой популярной в мире формы правления» (Democracy's Good Name: The Rise and Risks of the World's Most Popular Form of Government. PublicAffairs, 2007).

В течение последних трех десятилетий демократия получила огромное распространение. В 1900 году демократическими могли считаться всего 10 стран. К середине века это число выросло до 30 и не менялось в течение следующих 25 лет. Зато к 2005 году демократиями были уже 119 из 190 стран мира. Как это произошло? Чтобы ответить на данный вопрос, надо сначала разобраться в том, что такое демократия.

Для тех, кто пользуется этим термином – а это практически каждый из нас, – демократия – это единая, цельная, однозначно узнаваемая политическая система. Однако в исторической перспективе, как показано в моей книге «Доброе имя демократии: возвышение и риски са-

© AP Images/Мишель Антиши

В День взятия Бастилии в Париже отмечается рождение национальной независимости

мой популярной в мире формы правления», демократия возникла в результате сплава двух политических традиций, которые вплоть до середины XIX века не только значительно отличались друг от друга, но и часто считались абсолютно несовместимыми.

Эти две политические традиции – свобода и народовластие (или самоуправление). Свободой обладают отдельные личности, тогда как понятие народовластия относится к обществу в целом. Понятие свободы связано с тем, что государства делают или, точнее, что им запрещено делать со своими гражданами – им запрещено ограничивать личную свободу. В отличие от свободы, понятие самоуправления подразумевает способ избрания тех, кто правит, – их выбирает весь народ. Таким образом, понятие самоуправления отвечает на вопрос «кто правит?», а понятие свободы устанавливает правила, в соответствии с которыми правят те, кто избран править, правила, определяющие, что им можно делать и что нельзя.

У каждой из двух составляющих демократии своя история. У свободы она более долгая, чем у самоуправления. Концепция свободы развивалась в три этапа. Экономическая свобода в форме частной собственности в ее западноевропейском понимании восходит к Древнему Риму. Западноевропейская религиозная свобода – свобода вероисповедания – в основном обязана своим возникновением расколу христианской Европы в результате протестантского движения Реформации XVII–XVIII веков. Политическая свобода появилась позже, чем две другие (Британия XVIII века была первой страной, где появилось нечто, напоминающее современную политическую свободу) и подразумевает отсутствие контроля государства над свободой слова и собраний и участием в политической жизни.

Народовластие ворвалось в мир вместе с французской революцией 1789 года, которая принесла с собой идею, что субъектом суверенной власти должен быть народ в целом, а не наследственные монархи. Поскольку постоянное и непосредственное управление страной силами всего народа непрактично, был разработан механизм реализации народовластия – правительство представителей, которые избираются народом путем свободных, справедливых и открытых выборов, причем право голоса имеет все взрослое население.

До второй половины XIX века было распространено мнение, что народовластие уничтожит свободу. Считалось, что если народ получит верховную власть в своей стране, то он конфискует имущество богатых и силой навяжет всем членам общества политическое и социальное единообразие. Две классические работы XIX века, посвященные политическому анализу: двухтомное исследование «О демократии в Америке» французского аристократа Алексиса Токвиля и эссе «О свободе» англичанина Джона Стюарта Милля – предупреждали о подобной опасности. Тем не менее к началу XX века стало ясно, что свобода и народовластие могут мирно сосуществовать, как это сегодня происходит во многих странах мира.

Система социальной защиты

Одной из главных причин успешного объединения этих двух составляющих было появление в конце XIX и первые десятилетия XX века государственных программ социальной защиты: пенсий по старости, пособий по безработице и медицинской страховки, – которые в совокупности стали называться системой социальной безопасности, или социальным государством. Поскольку каждый гражданин имеет право на такие социальные гарантии, социальное государство по существу обеспечило всеобщее

перераспределение собственности, что, в свою очередь, сделало институт частной собственности более приемлемым, чем если бы подобных социальных гарантий не было.

Сочетание социальных гарантий со свободой и народовластием сделало демократию привлекательной. Этому также способствовал и ход современной истории, когда демократии стали самыми богатыми и могущественными странами мира: Великобритания в XIX, Соединенные Штаты – в XX веке. Ничто так не убеждает, как успех: поскольку во второй половине XX века самыми преуспевающими были демократические страны Западной Европы, Япония, Соединенные Штаты и Великобритания, остальные стремились им подражать.

Но одно дело – пожелать установить демократическую систему правления, и совсем другое – действительно создать ее. Здесь разница между двумя составляющими демократии дает о себе знать. Народовластие является политическим принципом, который относительно легко воплотить в жизнь. Свободные выборы можно организовать быстро и недорого практически везде.

Свободу же установить гораздо труднее. Это требует наличия определенных общественных институтов, и прежде всего полноценной правовой системы. Необходимо люди, обладающие навыками и опытом управления такими институтами. Свобода может процветать только в обществе, в котором укоренились ценности, поддерживающие эти институты, например уважение к закону. Такие общественные институты, навыки и ценности невозможно быстро создать и нельзя импортировать готовыми из-за границы. В Великобритании, например, они формировались в течение многих столетий. Поэтому возникает вопрос: откуда они появляются? Каким образом тем обществам, в которых отсутствуют общественные институты и демократические процедуры, удастся их установить?

В книге «Доброе имя демократии» я объясняю, что основным источником политической демократии является рыночная экономика. Конечно, всегда существовали – и продолжают существовать – страны, в которых рыночная экономика не подкрепляется демократией в политике, но в XXI веке все страны с демократической формой прав-

Китай перешел к защите частной собственности, которая представляет собой одну из форм свободы

© AP Images/Дэвид Хошико

ления имеют рыночную экономику. В большинстве стран, где демократия появилась в последней четверти XX века, особенно в странах Южной Европы, Латинской Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии, ее появлению предшествовало хотя бы одно поколение, выросшее в условиях действующей рыночной экономики.

Рыночные отношения содействуют демократии

Свободный рынок стимулирует развитие демократии четырьмя различными способами. Во-первых, основой любой рыночной экономики является институт частной собственности, а частная собственность как таковая является формой свободы. Это означает, что в стране с действующим свободным рынком уже присутствует основная составляющая политической демократии.

Во-вторых, свободный рынок создает богатство, и, как показало множество исследований, чем богаче страна, тем более вероятно, что она управляется демократически. У богатых людей есть время участвовать в политической жизни, которое требуется для демократии и которого нет у бедных. Богатство порождает историческую основу демократии – средний класс.

В-третьих, свободный рынок является важной составной частью того, что специалисты в области общественных наук называют гражданским обществом. Оно состоит из организаций и групп, отделенных от государст-

ва, таких как профсоюзы, религиозные и профессиональные объединения. Гражданское общество стоит между государством и отдельной личностью. Оно ограничивает власть государственного аппарата и обеспечивает социальное пространство для деятельности, независимой от государства. Организации гражданского общества опираются на рыночную экономику в плане финансирования, которое необходимо для их деятельности. Демократия не может существовать без гражданского общества, а гражданское общество – без функционирующей рыночной экономики.

В-четвертых, свободный рынок приводит к возникновению двух привычек, чрезвычайно необходимых для демократической политики. Одна из них – доверие. Граждане демократического общества должны доверять своему правительству в том, что оно не будет ограничивать их права, а меньшинства должны доверять большинству в том, что оно не станет им вредить или преследовать их. В условиях рыночной экономики покупатели и продавцы должны верить, что условия заключенной сделки будут обоюдно соблюдаться; в противном случае торговые отношения не смогут иметь место.

Другая воспитанная рыночными отношениями привычка, необходимая для существования демократии, – это способность к компромиссу. По сути, понятие «демократия» можно определить так: политическая система, при которой мирный компромисс, а не сила или принуждение, является способом урегулирования разногласий, неизбежных в любом обществе. Люди учатся компромиссам, осуществляя будничные действия в условиях рыночной экономики. Покупатель и продавец должны идти на компромисс в отношении цены сделки, поскольку продавец всегда будет стремиться получить больше, а покупатель – заплатить меньше.

Начиная с последней трети XX века, свободный рынок получил фактически повсеместное признание как лучшая форма экономической организации, обеспечивающая процветание. Все общества хотят стать процветающими, и потому почти все они создали или пытаются создать рыночную экономику. Поскольку процветание, как правило, способствует рыночной экономике, распространение свободных рыночных отношений явилось наиболее действенной причиной возникновения демократических режимов по всему миру. ■

Мнение, выраженное в данной статье, не обязательно отражает точку зрения или политику правительства США.

Степени демократии и глобализация

Чан Хенг Чи

Сингапур добился настоящего бума в текстильной и других отраслях промышленности, прежде чем начать движение в сторону демократии.

Страны могут иметь разную степень свободы и демократии, уверена Чан Хенг Чи, посол Сингапура в США. Открытый рынок – необходимое, но недостаточное условие для демократии. По ее словам, опыт последних лет показывает, что, за исключением Индии, открытый рынок везде предшествовал демократии. Данная статья составлена по материалам ее выступления в колледже Вильяма и Мэри в Вильямсбурге, Вирджиния, 18 сентября 2007 года.

Англо-американская демократия основана на парламентской модели Соединенного королевства или на разделении властей, принятом в американской политической системе. Правильное функционирование демократии предполагает свободу слова, свободу собраний, свободные выборы, главенство закона. Любая страна, называющая себя демократической, должна соблюдать эти принципы.

Но демократия в разных странах мира реализуется в разной степени. Демократии, свободы может быть больше или меньше. Малайзия и Сингапур менее демократичны, чем Япония и Южная Корея, но более демократичны, чем Таиланд и Египет.

Я думаю, что рынки необходимы, но недостаточны для демократии. Мы еще не видели ни демократической страны совсем без открытого рынка, ни страны, абсолютно закрытой для внешнего мира, которая не была бы авторитарной или тоталитарной. В Мьянме фактически нет рынка и полностью отсутствует демократия. В Северной Корее нет ни рынков, ни демократии.

Что же первично: рынок или демократия? Как они соотносятся или должны соотноситься?

Четыре тигра

Наблюдая политическое развитие Азии, я бы сказала, что рынок появляется прежде демократии. Четыре тигра: Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур – были авторитарными государствами, но стали более открытыми благодаря ориентированной на экспорт рыночной экономике. Все эти государства добились большого успеха в экономическом плане, за последние десять-двадцать лет демонстрируя ежегодно в среднем 8–9-процентный рост экономики.

Вхождение в мировой рынок требует дисциплины, главенства закона, прозрачности и доступа к информации. Эти изменения ведут к возникновению процветающего среднего класса, который является прочной основой стабильной демократии. Страны, которые входят в мировую экономику, одновременно вливаются в процесс глобализации, что ведет к демократизации и выравниванию уровня экономического развития.

© AP Images/Вонт Маини

© AP Images/Эмизбет Дельчилий

Экономика Китая бурно развивается. Изменится ли политическая система этой страны?

Сравните Россию и Китай. Советский Союз под руководством Михаила Горбачева еще до перестройки (изменение экономической системы) выбрал гласность (открытость), что ускорило развал Советского Союза. Но сегодня Россия стала более централизованной, и США нервничают по поводу того, что она отошла от демократии.

Китай начал с перестройки. С 1978 года в Китае наблюдается невиданный экономический рост. Средний класс растет, интернет работает повсюду, разрешены социальные свободы. Китайцам позволено выезжать за границу, в страну текут прямые иностранные инвестиции и идеи. Я думаю, что и китайская политическая система вскоре изменится, чтобы соответствовать быстро формирующейся экономической системе. Это закон конкуренции. Китайская демократия может быть непохожей на англо-американскую, но выборы, свобода слова, ответственность перед народом со временем обязательно придут.

Индия – единственная страна Азии, где сначала возникла демократия, а потом рынок. Сейчас Индия открывает свои рынки и вносит большой вклад в мировую экономику. Экономический подъем страны не за горами. Индия, в которой демократический строй установился до рынка, возможно, представляет собой редкое исключение из правила.

Роль США

После Второй мировой войны США и их европейские союзники приложили немало усилий, чтобы установить открытую и справедливую торговую систему и стабильную систему валютного обмена. Международные согла-

шения привели к огромному росту торговли, банковского дела и финансов в мире. Они позволяют странам, недавно получившим независимость и суверенитет и включенным в эту систему, развиваться и процветать, не прибегая к вооруженным конфликтам для достижения экономических целей.

В условиях открытого рынка и свободной торговли США лидируют и в продвижении демократии. Для того, чтобы страна решилась на демократический эксперимент и преуспела в нем, открытый рынок считался необходимым условием. Рынки США были открыты, осуществлялся экспорт долгосрочного ссудного

капитала и технологий. Когда в Азии говорят «Америка», то в первую очередь подразумевают демократию и свободный рынок.

Со времен «холодной войны» США и Европа выступают за развитие демократии и защиту прав человека, а также за сокращение экономического регулирования в странах с авторитарными и тоталитарными режимами. В этом суть Вашингтонского консенсуса. В Азии считают, что агрессивное проведение подобной политики было преждевременным и отчасти спровоцировало азиатский финансовый кризис 1997 года.

Я считаю, что США по-прежнему заинтересованы в продвижении демократии. При этом, как ни парадоксально, Соединенные Штаты обращаются к политике протекционизма. Если Америка хочет торжества демократии, она не должна закрывать свои рынки. Новые демократии задохнутся, если не смогут продуктивно работать и добиваться благополучия, действуя по правилам, принятым во всем мире.

Когда китайские студенты выступили против властей на площади Тяньаньмэнь, они воздвигли символическую Статую Свободы, потому что Соединенные Штаты являются символом свободы и независимости. Ваша страна экспортирует эти ценности. Если бы Соединенные Штаты перешли на позицию протекционизма, вряд ли студенты выбрали бы тот же символ. Я не верю, что Соединенные Штаты заинтересованы в таком имидже. ■

Мнения, выраженные в данной статье, не обязательно отражают точку зрения или политику правительства США.

Корни современного капитализма

Брюс Скотт

© AP Images/Ровалевски

Ликвидация пунктов пограничного контроля, как это произошло на немецко-польской границе – признак свободы передвижения, которая является обязательным условием капитализма

Капитализм и демократия, как правило, не возникали одновременно, как считает Брюс Скотт. По его мнению, встает новый вопрос: будут ли они по-прежнему доминировать в мировых системах коммерции и государственного управления. Скотт – профессор делового администрирования на кафедре Пола Уайтона Черингтона в Высшей школе бизнеса Гарвардского университета и автор книги «Капитализм, демократия и развитие» (Capitalism, Democracy and Development), которая будет опубликована в конце этого года в издательстве Springer Verlag.

Соединенные Штаты известны по меньшей мере со времени выхода в 1835 году выдающегося труда «Демократия в Америке» Алексиса де Токвиля своим специфическим сочетанием капитализма и демократии – децентрализованным процессом принятия решений как в экономической, так и в политической областях.

Несмотря на то, что пока нет общепринятого определения капитализма, с 1990 года капитализм стал

практически всемирной экономической системой, распространившейся на Китай и Индию, но не включившей Кубу и Северную Корею.

Дать определение демократии еще труднее, а от него зависит количество демократических стран в мире. По подсчетам Роберта Даля, политолога из Йельского университета, больше половины из 200 стран-членов ООН, в которых проживает наверное две трети населения мира, могут быть охарактеризованы как демократические.

Таким образом, капитализм, несмотря на приблизительность самого термина, достиг практически

полного господства в мировой экономике, а демократия стала нормативной моделью, хотя ее фактическое преобладание более ограничено: Китай добился необыкновенного успеха в построении капиталистической системы экономики, сохранив тем не менее авторитарный режим правления.

Необходимо дать более четкое определение капитализму и демократии, чтобы предсказать, будут ли они по-прежнему господствовать в качестве систем экономики и управления. Во-первых, существуют различные виды капитализма; так, американский капитализм отличается от европейского, поскольку в Европе жестче регулируется рынок и существует более уравнивающая система перераспределения доходов.

Во-вторых, дискуссии по поводу демократии, как правило, концентрируются на процедурах участия граждан в политической жизни, вопрос же о том, действительно ли такое участие гарантирует демократию, не обсуждается. Президент Авраам Линкольн в своей Геттисбургской

речи 1863 года назвал Гражданскую войну испытанием жизнеспособности «народного государственного управления, народом и для народа». Линкольн имел в виду, что народное государственное управление не гарантирует управления для народа. К моменту произнесения Линкольном своей речи Соединенными Штатами уже около века управлял народ, однако на существование рабства этот народ смотрел сквозь пальцы, как будто чернокожие не были его частью. Почти так же равнодушно страна относилась и к проблеме политических прав женщин.

Более того, конституционная модель США разделяет суверенитет между тремя ветвями власти – законодательной, исполнительной и судебной, тогда как большинство других демократических режимов следует британскому примеру, сосредотачивая верховную власть в избираемой народом нижней палате своего законодательного органа.

Определение термина «капитализм»

Ниже предпринимается попытка дать рабочее определение термина «капитализм», проследить возникновение капитализма в историческом контексте и сделать ряд предположений об условиях, способствующих развитию демократии, а возможно, и необходимых для ее существования.

Многие экономисты дают приблизительно следующее определение капитализму: это система прав собственности, сосуществующая с рынками производства и потребления товаров и услуг, которой по знаменитому выражению Адама Смита управляет «невидимая рука», устанавливающая цены в зависимости от спроса и предложения.

Я предпочитаю политологическое определение капитализма как системы управления, которая возникает, когда государство разрешает не-государственным субъектам деятельности управлять экономикой страны при условии соблюдения определенного набора правил и предписаний. Согласно этому определению, капитализм зиждется на власти, которой государство наделяет субъектов своей экономики, а также на способности государства разрабатывать, контролировать и в конечном итоге принудительно осуществлять меры регулирования рынка. Механизм ценообразования координирует спрос и предложение в рамках существующей структуры рынка, а «видимая» рука государства обеспечивает соблюдение этой структуры и своевременно модернизирует ее.

Чтобы оставаться легитимным, государство должно соблюдать принцип отчетности, однако для процветания капитализма совсем не обязательно, чтобы оно отчитывалось перед демократически избранным правительством. В Венеции, которая возможно была самым ранним

примером устойчивого капитализма (начиная еще с конца XII века), демократии не было. Венецианская республика являлась конституционной монархией – семь ее островов образовали добровольный союз, которым управлял выборный дож.

Капитализм возник задолго до появления действительно демократических государств, и политологи считают, что существование в экономической системе децентрализованных рыночных решений является предпосылкой для создания децентрализованной политической власти путем ее демократизации.

Несмотря на то, что демократия на уровне городов-государств зародилась по-видимому в древней Греции и Риме, явных примеров демократических стран в истории не наблюдалось до Токвиля с его американскими наблюдениями: описанный им американский пример позволяет некоторым исследователям утверждать, что начиная приблизительно с 1630 года одновременно развивались две системы – демократического правления и капитализма.

Историк Фернан Бродель, который относил зарождение капитализма к периоду 1400–1800 годов, признавал, что ему не удалось дать определение этому явлению, однако он отдавал себе отчет в самой важной характеристике капитализма как системы экономических взаимоотношений, несовместимых с феодализмом, представляющим собой иную систему экономических взаимоотношений. Торговля товарами и услугами существовала и во многих феодальных системах, например у ацтеков, инков, в Японии эпохи сёгунов, в Китайской империи, Индии и Османской империи.

Передача власти

Капитализм нуждается в свободе передвижения и рабочей силы, а также в праве покупать и продавать землю, чего феодализм не допускал. При капитализме процентные платежи считаются законным доходом с капитала, а не-государственные субъекты экономики имеют право привлекать капитал с помощью таких юридических механизмов, как партнерства, акционерные общества и современные корпорации. Появление всех этих свобод означает не только окончание феодальной эпохи, но и готовность суверенного государства уступить такую власть не-государственным субъектам деятельности.

Эта концепция демонстрирует, что капитализм возник в Европе гораздо раньше, чем где-либо еще, за исключением лишь Соединенных Штатов, куда многие идеи и институты были привезены переселенцами из Европы.

Почему капитализм возник именно в Европе? Однозначного ответа не существует, однако важной и отличительной составляющей европейского исторического опыта

© AP Images/Говард Уайнс

Демонстранты поднимают руки в наручниках в Венесуэле, стране, где демократия пошатнулась.

были практически перманентные войны XVI и XVII веков. Эта политико-военная конкуренция тяжело отразилась на существовавших тогда в Европе политических образованиях, которых в 1500 году по оценкам было до 500, к окончанию Наполеоновских войн в 1815 году оставалось 40, а в 1940 – всего 25.

Как и в условиях сегодняшней экономической конкуренции, вероятность выживания политического образования тогда была значительно выше, если оно обладало эффективно действующей армией, поэтому пушки и армии год от года становились все больше и больше. Для того, чтобы выжить, политические образования нуждались в деньгах или хотя бы в кредите. Децентрализация власти в пользу будущих предпринимателей и торговцев представляла собой потенциальный источник дохода для тех правителей, которые были готовы примириться с существованием децентрализованной власти. А конституционные монархии, занимавшие деньги с согласия парламентов, получали ссуды под гораздо более низкие проценты.

Похоже, что историческими предпосылками капитализма явились конкурентные угрозы суверенитету и автономии с одной стороны и подотчетное правление с другой. В Японии, Китае, Индии и Османской империи ни тех, ни другого не было веками.

По-видимому в число предпосылок демократии входит контроль за вооруженными силами и силами правопорядка, осуществляемый выборными должностными лицами, государство с монополией на принуждение, включая полномочия судов на принуждение и полно-

мочия на обеспечение безопасности индивидуальных лиц и имущества, существование рынков производства и потребления, а также признание просветительских ценностей, в особенности той концепции, что верховной политической властью наделяются общественные институты, основанные на принципах человеческой логики.

Жизнеспособности демократии благоприятствуют определенные условия, в том которых числе рост доходов населения, недопущение чрезмерного неравенства в распределении богатства и власти, сильный и мобильный средний класс, а также общепринятый моральный кодекс, который уравнивает индивидуалистические интересы отдельного человека и его обязанности гражданина.

Другие условия могут поставить под угрозу существование демократии. Одно из них – значительные источники незаработанных доходов, например, с нефтяных месторождений. В качестве примера можно привести Нигерию и Венесуэлу. Незаработанный доход становится для руководства таких стран источником огромного богатства и влияния и открывает путь к неподотчетной власти.

Создание исходных условий для поддержки демократии занимает десятилетия, причем преждевременные действия не обязательно ускоряют этот процесс, как свидетельствует опыт Боснии, Косово, Ирака, Ливана и Западного Берега. Несколько европейских стран – таких, как Британия или Нидерланды, – хорошо управлялись задолго до того, как стали демократическими.

Конституции и выборы сами по себе не обязательно свидетельствуют о демократии, как показывает опыт Нигерии, Венесуэлы или Зимбабве. Конституциями и выборами могут манипулировать избранные народом лидеры. Поэтому стремление во что бы то ни стало обзавестись этими демократическими процедурами на деле может задержать переход к народному управлению, не говоря уже о создании «правительства для народа», что еще труднее. ■

Мнения, выраженные в данной статье, не обязательно отражают точку зрения или политику правительства США.

Развитие рыночных отношений без демократизации в Китае

Келли С. Цай

© AP Images

Китайские предприниматели разбогатели в условиях правления Коммунистической партии.

Не ожидайте возникновения демократии в Китае в ближайшее время, говорит Келли С. Цай. Вместо этого, полагают она, процветающая экономика и рост доходов могут пойти на пользу умело приспособляющемуся коммунистическому правительству. Цай – профессор политологии в Университете Джонса Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд.

В 1978 году в Китае даже не велась официальная статистика частного предпринимательства, поскольку оно было запрещено и фактически отсутствовало. Всего три десятилетия спустя частный сектор стал основным фактором роста китайской экономики. В настоящее время в Китае свыше 34 миллионов частных предприятий, в которых заняты 200 миллионов человек и которые производят 60% валового внутреннего продукта страны.

Впечатляющая скорость развития частного сектора дает многим наблюдателям основания предполагать, что в стране развивается класс капиталистов, которые будут требовать демократических изменений. Эти ожидания исходят из расчета, что все более процветающий класс коммерсантов сбросит авторитарное правительство в соответствии с принципом: «представительство интересов в обмен на уплату налогов», таким образом скопировав модель демократического развития Великобритании и США.

Но это общепринятое представление о причинно-следственных связях между свободным рынком и политической свободой не подходит к ситуации в Китае. Частные предприниматели не объединяются в борьбе за демократию, а те, кто настойчиво продолжает критиковать Коммунистическую партию Китая, подвергаются цензуре и репрессиям или выслаются из страны. Вместо политической либерализации распространение рыночных отношений обеспечивает устойчивость авторитаризма и живучесть режима в Китае.

Капиталисты разделились

Китайские частные предприниматели не объединяются в ярко выраженный «класс капиталистов» с общими отличительными чертами и интересами. У владельцев ресторанов и уличных торговцев другие заботы, чем у магнатов рынка недвижимости и владельцев 500 крупнейших

корпораций мира. Новоиспеченные миллионеры и миллиардеры обрели богатство при нынешней политической системе. Ларечники и владельцы фабрик по производству бытовых товаров слишком заняты работой, чтобы думать о том, как демократические изменения могли бы облегчить их повседневные трудности.

Но даже капиталисты средней руки, у которых может иметься экономический стимул к участию в политической деятельности для обеспечения главенства закона и защиты прав частных собственников, не находят общей платформы. Различия в социальном и политическом положении мешают им выступать коллективно, как классу.

Рыночные реформы в Китае – явление относительно недавнее, и частный сектор страны представлен людьми самого разного происхождения. Некоторые частные предприниматели – бывшие крестьяне, которые уже в первые годы реформ ушли из коллективных хозяйств, чтобы основать собственный бизнес. Другие – бывшие госслужащие, которые выбрали частный сектор, потому что потеряли работу или не могли рассчитывать на полную занятость. Третьи – бывшие работники умственного труда или чиновники, променявшие политику на приличный заработок. К тому же большое количество частных предпринимателей – это члены Коммунистической партии, чьи политические связи пригодились для получения преимущественного доступа к банковским кредитам, земле и другим государственным активам.

Эти различия сдерживают формирование класса и препятствуют коллективным действиям на основе общих классовых интересов. В самом деле, мало кто из частных предпринимателей считает себя «капиталистами», предпочитая вместо этого ассоциироваться с бывшей профессией.

Китай раздробленный

Можно было бы предположить, что китайский класс капиталистов, в котором отсутствует единство, – это временное явление. Возможно, следующее поколение бизнесменов будет более сплоченным в классовом отношении и решит, что демократическое правительство будет лучше представлять их интересы. Возможно, они объединятся, чтобы начать переход к демократии. Однако такой сценарий, оставаясь возможным, не представляется вероятным.

Прежде всего, многие из опрошенных мной частных предпринимателей дали понять, что предпочли бы видеть своих детей (в большинстве случаев, одного ребенка) хорошо образованными «белыми воротничками» или государственными служащими, нежели владельцами бизнеса, которым приходится трудиться день и ночь. В большинстве случаев сегодняшние капиталисты не стремятся к созданию предпринимательских династий. Даже если

родители-бизнесмены добиваются успеха, прибыль для них является лишь временным средством для перехода к более достойной форме существования. Даже если сегодняшние частные предприятия будут унаследованы следующим поколением (которое составило бы крайне небольшую группу, учитывая высокий процент новых владельцев среди регистрирующихся предпринимателей), маловероятно, чтобы его представители объединились в демократически настроенную политическую группу.

Капиталисты, работающие в схожих секторах с аналогичными объемами бизнеса, сталкиваются с разными трудностями и придерживаются разных политических взглядов в зависимости от отношения властей к частному предпринимательству в той или иной части страны. Личные качества китайских предпринимателей значительно различаются в зависимости от их происхождения, и точно так же условия, в которых они работают, различаются в зависимости от региона.

Считается, что в некоторых районах условия для бизнеса особенно благоприятны. Хороший пример – город Вэньчжоу в южной прибрежной провинции Чжэцзян. Задолго до того, как центральное правительство сняло запрет на частное предпринимательство, власти Вэньчжоу разрешали своим обнищавшим фермерам вести розничную торговлю и обзаводиться маленькими фабриками.

Напротив, власти других регионов в ходе реформ систематически вставляют палки в колеса частному капиталу. В районах, где от эпохи Мао Цзэдуна (1949–1976) остались крупные объекты собственности в государственном или коллективном секторе экономики, местные власти не столь охотно допускают частных предпринимателей к ключевым ресурсам (например, банковским займам), необходимым для ведения бизнеса. Аналогичным образом в районах, в которые поступали значительные объемы прямых иностранных инвестиций, к иностранным инвесторам относятся более благосклонно, чем к их коллегам-китайцам.

Таким образом, капиталисты Китая сталкиваются с различными трудностями в зависимости от района, где они ведут бизнес, и их возможности влиять на политику тоже различаются. Организованные по принципу автономности торговые ассоциации в Вэньчжоу активно отстаивают интересы своих членов, в то время как ассоциации предпринимателей в других районах находятся под контролем властей и приносят своим членам меньше пользы. В этом смысле внутреннее демографическое разделение капиталистов отражает разнообразие условий для частной предпринимательской деятельности. Если бы недовольные предприниматели в одном районе проявили повышенную политическую активность, страна в целом не поддержала бы их требований.

© AP Images/Peter Beckler

Коммунистическая партия Китая приспособилась к экономическим реформам и преуспела в их проведении.

Подавление инакомыслия

Частные предприниматели – не единственный сегмент китайского общества, который сталкивается с территориальными ограничениями при организации политических выступлений. Недовольные фермеры, рабочие, работники умственного труда, обращающиеся за поддержкой к другим регионам, встречаются с аналогичными трудностями.

В последние годы число массовых протестов и демонстраций значительно возросло. По официальным данным в 2003 году было 58 тысяч выступлений, в 2004-м – 74 тысяч, а в 2005-м – 87 тысяч. И хотя мобильность населения значительно повысилась, а распространение новых коммуникационных технологий устранило целый ряд существовавших в дореформенное время организационных барьеров, эти протесты не вышли за пределы отдельных районов.

Единственной силой, представлявшей потенциальную угрозу режиму, была недолго просуществовавшая Китайская демократическая партия (КДП). В 1998 году комитеты партии были организованы в 24 провинциях и

городах. Но вскоре власти задержали, арестовали или сослали лидеров КДП, и дальнейших попыток создания центральных органов КДП уже не предпринималось.

Последовавший разгром организации Фалуныгун в 1999–2000 годах, карантин во время вспышки атипичной пневмонии в 2003 году и оперативное подавление тибетских протестов в 2008 году снова продемонстрировали, что Пекин способен контролировать население во время кризиса.

Коммунистическая устойчивость

Наблюдатели, которые ожидают демократических изменений в Китае, замечают, что развитие рыночных механизмов приводит к многочисленным дестабилизирующим последствиям, в том числе к расширению неравенства доходов и росту возможностей для коррупции. Выступления протеста становятся все более частым явлением, но неучастие капиталистов (класса, предположительно являющегося оплотом демократии) в этих проявлениях недовольства бросается в глаза. Более того, эти выступления редко бывают направлены против монополизации политической власти Коммунистической партией Китая. Даже при попытках формирования КДП использовались привычные административные процедуры, то есть были соблюдены правила существующей политической системы.

В конечном счете рыночные реформы в Китае при авторитарной власти обеспечили неожиданно высокий уровень экономического роста, от которого выиграли широкие слои общества. Люди, которым выгоден такой авторитарный путь к капитализму, не склонны требовать политических реформ, которые могли бы дестабилизировать общество и поставить под угрозу дальнейшее развитие экономики.

Более того, в течение 87 лет своего существования Коммунистическая партия Китая постоянно демонстрировала способность обновляться и идти в ногу со временем, кардинально меняя идеологию, структуру членства и политические цели. Пока что гибкий поворот к свободному рынку не подорвал легитимность партии, а подтвердил ее. По этим причинам сегодняшний Китай продолжает опровергать общепринятое представление о связи экономической свободы с политической. ■

Мнения, выраженные в настоящей статье, не обязательно отражают взгляды и политику правительства США.

Свободный рынок и демократия: кубинский опыт

Оскар Эспиноза Чепе

© AP Images

В 1959 году Фидель Кастро установил репрессивный режим, обернувшийся для Кубы катастрофой.

Кубинский экономист-диссидент Оскар Эспиноза Чепе утверждает, что десятилетия тирании централизованного управления свели на нет экономику Кубы. По его словам, без свободы народ Кубы никогда не сможет влиться в мировую экономику, которая становится все более и более глобальной.

После почти 50-ти лет тоталитарного правления на Кубе потеря свободы, и в особенности свободы передвижения на экономическом рынке, оказала удручающее воздействие на все стороны жизни кубинского общества. Процесс, который начался в 1959 году и породил так много иллюзий, со временем превратился в систему государственного подавления, вставшую на пути прогресса.

Под предлогом основания системы «гармоничного и пропорционального развития» свободный рынок в стране был заменен на механизм централизованного планирования, позаимствованный в Советском Союзе и основанный на безапелляционном волеизъявлении власть предержащих, что привело к многочисленным перекосам и бессмысленной трате ресурсов. Такое положение сохранялось до конца 1980-х годов благодаря колоссальным субсидиям, которые в результате повергли кубинское общество в самый глубокий кризис за всю историю страны,

из которого она до сих пор не вышла.

Возникает вопрос: для чего нужно было менять свободный рынок, бывший основным инструментом распределения ресурсов страны, на бюрократическую систему централизованного планирования? Почему эту систему сохраняют, несмотря на повторяющиеся провалы централизации? Ответ на эти вопросы заключается в том, что система основана на интересах определенной группы людей, чьей единственной задачей является сохранение абсолютной власти над кубинским обществом. В свете таких тоталитарных целей политическая доходность этой системы очевидна вне зависимости от того, какие страдания, отсталость и деградацию она с собой несет.

Генерал Рауль Кастро, придя на смену брату, намекал на грядущие перемены, по крайней мере – в кубинской экономике.

Потерянная экономическая свобода

Тем же объясняются и массовые конфискации имущества, гораздо более распространенные на Кубе, чем в других стонущих под игом централизации странах, и попытки ликвидировать все следы экономической свободы. Эта стратегия имела целью строгий контроль над населением путем обращения граждан в бесправные существа, полностью зависящие от всемогущего государства.

Экономические, социальные, политические, демографические и природные последствия оказались катастрофическими для Кубы, уж не говоря об уроне, нанесенном духовным ценностям народа, сильно пострадавшим в результате кризиса, которому не видно конца. К этому необходимо добавить глубокую и опасную зависимость от Венесуэлы.

На уровне экономики процесс утраты человеческого и материального капитала повлиял на общество в целом. Сегодня Куба, в прошлом богатая, самодостаточная сельскохозяйственная страна, в по официальным данным импортирует 84 процента продовольствия для своих основных нужд – в основном из Соединенных Штатов. Когда-то крупный мировой поставщик сахара, сейчас она покупает сахар за границей. При этом более 50 процентов пахотных земель заброшены и заросли сорняками. В то же самое время, вследствие низкой заработной платы – в среднем около 20 долларов в месяц, чтобы выжить, население вынуждено идти на преступления. В результате, по данным ООН, Куба стала страной с самым высоким в мире процентным отношением заключенных к населению страны.

Намеки на перемены

Куба является печальным примером последствий отсутствия свободы. И очень возможно, что Куба отстанет еще сильнее, пока остальной мир будет решать проблемы глобализации и интеграции рынка. В то время как эти силы создают огромные возможности развития, они также требуют значительного усиления конкурентной борьбы, в которой эффективность, производительность

и инициативность играют все более важную роль. Эти качества невозможно развивать в условиях обществ, в которых правит страх, свобода объединений и свобода слова запрещены, а значит, отсутствует полемика и свободный обмен идеями, необходимые для поиска лучших путей к прогрессу.

Ситуация настолько очевидна, что даже в среде кубинского правительства начинают звучать голоса, пусть нерешительные и непоследовательные, за структурное преобразование и концептуальное изменение системы, особенно в экономике. Такие намеки можно найти в речах генерала Рауля Кастро, который 24 февраля 2008 года стал президентом как Государственного совета, так и Совета министров.

Может быть, упомянутые перемены станут началом постепенного процесса реформ и принесут кубинскому народу свободу. Однако если вновь возникшие надежды вновь будут обмануты, вероятным результатом будет дестабилизация общества. ■

Мнения, выраженные в данной статье, не обязательно отражают точку зрения или политику правительства США.

Демократия, свободное предпринимательство и доверие

Уильям А. Райнш

По мере того, как в России выветривается демократия, то же происходит и со свободной конкуренцией некоторых в отдельных секторах рынка.

По мнению Уильяма А. Райнша, свободные рыночные отношения, как правило, укрепляют демократию, демократия же иногда укрепляет свободный рынок, а иногда нет. Райнш – президент Национального совета по внешней торговле и член консультативной Комиссии по вопросам экономики и безопасности в американо-китайских отношениях.

Глядя на сегодняшний мир, мы видим, что многие самые процветающие страны обладают и самыми динамичными демократическими системами. Такие страны, как Чили, Ирландия и Соединенные Штаты являются полнокровными демократиями с в основном

свободными рыночными экономикой. Такие страны, как Бирма и Северная Корея известны своими диктаторскими режимами и жесткой командной экономикой.

Хотя из каждого правила есть исключения, экономические и политические свободы, как правило, всегда идут нога в ногу. В большинстве случаев контакты какой-либо страны с миром являются важным признаком политических и экономических свобод.

В частности, международные экономические контакты закладывают фундамент для построения демократии. Торговля и конкуренция способствуют экономическому росту, приумножающему богатство страны и увеличивающему численность среднего класса. В свою очередь,

© AP Images/Джон МакКонико

Граждане готовы проголосовать в Дании – стране, сочетающей развитый свободный рынок с общественным доверием.

более многочисленный средний класс предъявляет больше требований правительству, которое уже не может полагаться на поддержку узкого круга социальной элиты. В то же время торговля вскрывает неэффективность громоздких государственных предприятий, еще сильнее ограничивая раздачу постов и льгот государственными чиновниками.

С другой стороны, экономические лишения способствуют определенным условиям, при которых демагоги могут становиться диктаторами, как весьма наглядно показал период между двумя мировыми войнами. Президент Гарри Трумэн и государственный секретарь Джордж Маршалл учитывали это, разрабатывая свой план восстановления Европы после окончания Второй мировой войны. Маршалл считал, что «возрождение действующей экономики» позволит «возникнуть политическим и социальным условиям, в которых могут существовать свободные социальные институты».

Расширение международных контактов между предприятиями не только приводит к расцвету экономики, но и поддерживает демократические идеалы. Так, во многих случаях международным компаниям законодательно запрещается предлагать взятки и участвовать в коррупционной деятельности.

Кроме того, многие компании добровольно вводят собственные кодексы поведения либо подписывают такие конвенции о правилах корпоративного поведения, как Глобальные принципы Салливана или Глобальный договор ООН. Чем шире таким компаниям разрешается участвовать в жизни страны посредством торгов-

ли и конкуренции, тем труднее бюрократам и партийным бонзам прокормиться и прокормить государственный аппарат с помощью сомнительных или коррупционных методов.

Корпоративная ответственность перед обществом

Сегодня существует еще одно важное политическое преимущество участия международных компаний в местной экономической жизни. Многие предприятия вводят программы корпоративной ответственности перед обществом с целью оказания поддержки местному населению и инфраструктуре. В ряде случаев

эти программы не связаны непосредственно с основным бизнесом компании и направлены на усовершенствование местных социальных институтов.

Это в особенности справедливо для Африки, где международные компании проводят программы по борьбе с ВИЧ/СПИДом и программы постконфликтного переселения жителей и создают учреждения, предоставляющие микрокредиты. Например, компания «Дженерал Электрик» в партнерстве с экспертом по экономическому развитию Джеффри Саксом построила в 10 странах континента несколько больниц с применением своих технологий и при участии добровольцев из числа сотрудников, чтобы улучшить медицинское обслуживание в сельских районах Африки. Такие проекты помогают укреплению гражданского общества и способствуют возникновению институтов свободного рынка.

В более широком смысле всемирная экономическая конкуренция способствует расширению контактов с миром, что неизбежно ведет к обмену информацией, идеями и демократическими ценностями. Президенты США, от Франклина Рузвельта до Джона Кеннеди и Рональда Рейгана, отмечали нематериальное воздействие открытых рынков и контактов на развитие демократических систем в других странах мира.

Недавно президенты Билл Клинтон и Джордж У. Буш согласились с тем, что прием Китая в Международную организацию торговли пойдет на пользу демократии. «Когда у человека есть возможность не только мечтать, но и осуществлять свои мечты», – сказал Клинтон, – «он настаивает на том, чтобы к нему внимательнее прислу-

© AP Images

Открыв страну для мирового рынка, Китай получил доступ к новым идеям.

вознаграждает приверженцев данного режима и наказывает всех остальных.

Демократическое правление несомненно способствует развитию свободных рыночных отношений в Соединенных Штатах и в мире. На протяжении более 60-ти лет Соединенные Штаты содействуют формированию и сохранению свободного мирового порядка, основанного на свободной торговле и стабильных мировых рынках. Примерно в тот же период времени в Европе вслед за распространением демократии были снижены экономические барьеры и возросла эффективность рынка рабочей силы.

Свободные рыночные отношения и стабильность

шивались». Буш прибавил, что «экономическая свобода создает привычку к свободе» и что по отношению к Китаю «самой важной статьёй нашего экспорта является не продовольствие, не кинофильмы и даже не самолеты. Наша самая важная экспортная продукция – свобода».

Не так давно Соединенные Штаты и Западная Европа экспортировали в бывший Советский Союз идеалы США посредством рок-музыки, книг и телевизионных программ. В 1987 году Билли Джоэлвыступая в Москве и Ленинграде, говорил советским людям: «То, что сейчас происходит в вашей стране, очень похоже на 1960-е в моей стране». Сегодня более свободные рыночные отношения означают более широкий доступ к интернету, мобильным телефонам и СМС, что ускоряет распространение информации, сплетен и новостей такими способами, полностью контролировать которые сложно для любого правительства. Подключение к глобальной информационной и экономической системе идет на пользу демократии.

Но на пользу ли свободному предпринимательству сама демократия?

Это наверное более сложный вопрос, хотя ясно одно: диктаторы редко приветствуют свободные рыночные отношения. Бирма, Куба, Ливия, Северная Корея и Зимбабве – наименее свободные экономические системы мира, по данным «Индекса экономической свободы 2008», выпущенного «Уолл Стрит Джорнал» и «Фондом наследия». Концентрированная власть такого рода, который позволяет выжить этим политическим системам, предпочитает централизованную, командную экономику, которая

Однако сами по себе свободные и справедливые выборы не обязательно приводят к свободным рыночным отношениям. Проблемой в частности является растущее число авторитарных режимов, которые выдают себя за демократии, в то время как одна политическая партия фактически контролирует правительство и экономику в отсутствие реальной оппозиции. Россия при бывшем президенте, а ныне премьер-министре Владимире Путине представляет собой яркий пример страны с выветривающейся демократией. По мере того, как Путин укрепляет контроль над страной, Москва расширяет контроль над экономикой, распространяя свое влияние на такие государственные предприятия, как Газпром, и используя экономические рычаги для политического воздействия на соседние государства и мир в целом.

У демократических правительств ряда стран нет институтов и поддержки, необходимых для стимулирования свободных рыночных отношений. Недавно сформированные правительства Ирака, Западного Берега, Газы и других территорий, где отсутствует элементарная стабильность и безопасность, не имеют действующих структур управления и безопасности для того, чтобы эффективно развивать свободный рынок.

Случаи отказа от свободного рынка не редко наблюдаются даже в более развитых демократических обществах. В Латинской Америке за последние годы был избран ряд политиков, выступавших с популистскими либо, в некоторых случаях, социалистическими платформами. В

Соединенных Штатах опросы общественного мнения показывают снижение заинтересованности в свободе торговли, а ипотечный кризис породил заставляя задуматься о последствиях свободной рыночной деятельности без достаточного надзора и регулирования.

По-видимому, что демократия наиболее полезна для свободных рыночных отношений при наличии действенных местных организаций и общественного доверия. Дания гордится одной из самых открытых экономических систем в мире и являет собой пример образцовой демократии, однако в этой стране действует и уникальный общественный договор, так называемая система «флекси-кьюрити» (flexicurity), совершенствующаяся уже долгие века, в рамках которой выделяются значительные суммы на социальные программы, профессиональное обучение и различные льготы.

В результате такого компромисса датчане твердо верят в свободное предпринимательство и всемирную торговлю, и даже профсоюзы используют аутсорсинг. Исследователь Роберт Каттнер, который провел анализ датского компромисса между свободным рынком и социальной стабильностью, предполагает, что такого рода контракты «должны вырастать из собственной политической почвы».

Ключ к развитию демократии и экономической свободы – в развитии местных институтов, на которых основаны и первая, и вторая.

Соединенным Штатам, их союзникам и международным организациям следует продолжать поддерживать верховенство закона, независимые и прозрачные судебные системы, продуктивные инвестиции, а также бороться за международные права человека и соблюдение юридических обязательств, чтобы повышать вероятность того, что действия правительств независимо от их структуры будут справедливыми, гуманными и прозрачными.

В то же время правительства, неправительственные организации и предприятия могут участвовать в поддержке местных институтов и общественных групп, которые укрепляют демократию и выступают за соблюдение индивидуальных свобод.

Мы должны энергично взаимодействовать с миром, используя все доступные средства, и в особенности торговые и дипломатические контакты. Это дает нам возможность помогать людям в разных странах мира становиться более свободными, процветающими и защищенными. ■

Мнения, выраженные в данной статье, не обязательно отражают точку зрения или политику правительства США.

Рыночная экономика без демократии в странах Персидского залива

Жан-Франсуа Сезнек

© AP Images

Страны-члены Совета сотрудничества стран Персидского залива занимают относительно высокое место на шкале свободы рыночных отношений и относительно низкое – по гражданским и политическим правам.

В государствах Персидского залива рынок в основном свободный, но нет свободных выборов, считает Жан-Франсуа Сезнек. По его мнению, правители этих стран делятся с народом плодами экономического роста, но не политической властью. Сезнек – приглашенный доцент Центра современной арабистики Джорджтаунского университета в Вашингтоне.

Создается впечатление, что рыночная экономика бурно развивается в некоторых недемократических государствах, однако не приводит к установлению там демократии. Рассмотрим шесть стран, образующих Совет сотрудничества стран Персидского залива (СССПЗ): Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты.

По семибалльной шкале классификации свободы стран мира неправительственной организации «Фридом Хаус», где единица соответствует наибольшей степени

© AP Images/Камран Джефрини

Международный финансовый центр в Дубае свидетельствует о том, что страны Персидского залива открыты для инвестиций.

свободы, страны Персидского залива получают плохие баллы. Оценка Саудовской Аравии – 6,5 – объясняется ограничениями гражданских и политических свобод в этой стране. Самый высокий балл у Кувейта – всего 4,0. В Кувейте разрешена свободная предвыборная борьба кандидатов в члены парламента и свобода выражения, но главенство королевской семьи не подвергается сомнению.

Тем не менее, по некоторым параметрам государства Персидского залива попадают в число самых свободных рыночных систем мира.

Во всех странах Персидского залива существует рыночная экономика. Саудовская Аравия занимает относительно высокое 23-е место в публикуемом Всемирным банком рейтинге стран по уровню благоприятствования ведению бизнеса. Все страны СССПЗ являются членами Всемирной торговой организации (ВТО). Оман и Бахрейн подписали соглашения о свободной торговле с Соединенными Штатами. Тарифы низкие.

Ни в одной из этих стран нет подоходного налога. Коррупция при обыденных экономических операциях минимальна. Банки и финансовые организации стран СССПЗ – это кредитные учреждения высокого уровня. Немногочисленные ограничения на продажу товаров связаны с религиозными запретами, например на употребление свинины и алкоголя.

Кроме того, страны Персидского залива модернизируют свои экономические структуры и законодательство для привлечения частных вкладчиков, как местных, так и зарубежных. Сегодня иностранная компания может быть 100-процентным владельцем всех своих предприятий на территории большинства стран Персидского залива. Можно свободно репатриировать доходы, продавать активы по своему желанию, а также платить относительно низкие корпоративные налоги.

Экономика стран Персидского залива переживает бум. Стремясь меньше зависеть от продаж нефти и газа, они стараются максимально использовать преимущества дешевой энергии, обилия капитала и стратегического расположения. Эти страны уже производят около 12 процентов всех химикатов и удобрений в мире и постоянно наращивают производство более сложной химической продукции, например, этиленовых пластмасс. Благодаря дешевым источникам электричества они уже

© AP Images/Камран Джебрейли

В Дубае распространяется западный стиль строительства, но не западная демократия.

стали крупными производителями алюминия, а доступ к залежам бокситов в Саудовской Аравии может позволить этим государствам к 2020 году довести свою долю в мировом производстве алюминия до 20 процентов.

Ограничение свободных рыночных отношений

Разумеется, свободные рыночные отношения соблюдаются до известной степени. Обеспечение выполнения контрактов сталкивается с определенными сложностями ввиду различий между юридическими традициями и нехватки судей, знакомых с международной судебной практикой.

В целях экономического развития страны Персидского залива инвестируют сотни миллиардов долларов в инфраструктуру, строительство индустриальных городов, железных дорог, морских и аэропортов.

Большинство крупнейших химических и металлургических компаний в ССПЗ сейчас принадлежат государству, но управляются по западному образцу с минимальным государственным вмешательством. Например,

SABIC является самой доходной и быстрорастущей химической компанией в мире с доступом к дешевому сырью. Кроме того, она постепенно становится крупным научно-исследовательским предприятием и, подобно своему нефтяному аналогу – компании «Сауди Арамко», обучает и задействует саудовских граждан в развитии наукоемкой промышленности королевства.

Успех государственных компаний имеет свои недостатки. Их менеджеры настаивают на своем праве не делиться дешевым сырьем с местными конкурентами. Таким образом, крупнейшие государственные предприятия, создавая рабочие места для частно-рыночной экономики, в то же время ограничивают рост конкурентов из частного сектора.

Разумеется, некоторые круги в ССПЗ, включая традиционных производителей и торговцев, настроены против свободного рынка. Верующие консервативного религиозного направления салафия также выступают против свободных рыночных отношений, опасаясь того, что открытая экономика ведет к распространению западного образования и стиля жизни.

Они делятся богатством, но не властью

Чтобы достичь своих амбициозных экономических целей, правительства стран Персидского залива готовы делиться со своими народами богатством, но не политической властью.

Чтобы поделиться богатством страны, саудовские власти использовали фондовую биржу. Многие из 115 компаний, зарегистрированных на ней, контролируются государством и как правило весьма доходны. Эти компании могут продавать до 30 процентов своего капитала в виде акций на бирже. Саудовским гражданам, вложившим средства в такие государственные компании, их безопасные инвестиции обеспечивают хорошие дивиденды и прирост стоимости капитала. Более того, Агентство по управлению рынками капитала следит за тем, чтобы все зарегистрированные на бирже компании имели хорошую репутацию, а мелкие инвесторы могли покупать акции. Сегодня 50 процентов всех саудовских граждан владеют акциями и, следовательно, заинтересованы в развитии этого королевства.

Тем не менее, правительства стран Персидского залива опасаются, что участие населения в политическом управлении страной может резко затормозить развитие. Проводившиеся в этих странах несколько раз свободные выборы показали, что абсолютное большинство населения предпочитает салафитов. Чтобы сбалансировать победу салафизма на выборах, короли и эмиры СССРПЗ создали консультативные советы, состоящие из технократов, которые должны коллективно утверждать экономическую политику и непротиворечивые законы.

Отсутствие независимости судебной системы – еще одно свидетельство того, что эти государства делятся с народом богатствами, а не политической властью. Назначаемые правительством судьи являются знатоками

исламского семейного или уголовного права, но некомпетентны в торговом законодательстве. В Саудовской Аравии для рассмотрения торговых дел создана параллельная юридическая система под названием «Комиссия по рассмотрению жалоб».

Тем не менее, сильные мира сего остаются неподсудными. Саудовская Комиссия по рассмотрению жалоб не принимает к производству дел, в которых замешаны принцы и правительственные чиновники; такие дела редко рассматриваются по существу.

Развитие свободных рыночных отношений, которое поддерживают и которому в то же самое время препятствуют автократии, фактически не сопровождается политическими реформами в государствах Персидского залива. Рыночная экономика защищена непререкаемым политическим контролем со стороны их лидеров. Даже в Дубае, центре предпринимателей всего региона, слово правителя – закон для всех.

Государства Персидского залива не имеют «народного управления народом и для народа». Это правительства немногих на благо многих. Такая система существенно отличается от достижений западной демократии, но зато она отечественного производства.

Демократию невозможно навязать извне. Возможно, экономические перемены, происходящие в настоящее время в странах Персидского залива, говорят о том, что со временем их правители в дополнение к свободе рынка предоставят народу и такие политические свободы, как политические партии, свобода слова и независимость образованного правосудия. Не исключено, что участие населения в экономической жизни страны и преобразование экономики в конечном итоге приведут к демократизации государственной власти. ■

Мнения, выраженные в данной статье, не обязательно отражают точку зрения или политику правительства США.

Демократия и капитализм: разделение близнецов

Иван Крастев

По словам Ивана Крастева, существовали опасения, что Центральная Европа примет демократию и отвергнет рыночную экономику, однако на деле Центральная Европа приняла свободные рыночные отношения, постепенно разочаровываясь в демократии. Крастев – председатель Центра либеральных стратегий в г. Софии, Болгария.

Сегодняшних историков соблазняет возможность описывать историю посткоммунистических преобразований в Центральной и Восточной Европе как историю непреодолимого взаимного влечения демократии и капитализма. Но 20 лет назад многие опасались, что эта повесть будет написана в жанре ужасов.

В то время как политологи склонялись к мнению, что демократия и капитализм – естественные партнеры, а также что свободные рыночные отношения и конкурентная политика, в конечном счете, укрепляют друг друга, существовали опасения, что политические и экономические реформы, необходимые для преобразования восточноевропейских обществ, будут препятствовать друг другу.

Посткоммунистические преобразования стояли перед вопросом: как можно дать людям право делать то, что они хотят, а затем ожидать, что они выберут политику, которая первоначально приведет к повышению цен, увеличению безработицы и углублению социального неравенства?

По мнению немецкого социолога Клауса Оффе, «рыночная экономика начинает работать только в условиях, предшествующих демократии». А ведущий польский политолог и активистка движения Солидарность Ядвига Станискис считала, что «пока для настоящего гражданского общества не заложен экономический

Избиратели Румынии и остальных стран бывшей коммунистической Европы приняли свободные рыночные отношения, но потеряли доверие к политике.

фундамент, массовая политическая мобилизация населения возможна исключительно на основе национализма либо фундаментализма».

Словом, считалось, что Центральная Европа обречена на выбор между рыночным социализмом и авторитарным капитализмом. К счастью, иногда то, что не теорети-

чески не должно работать, на практике работает.

Центральная и Восточная Европа добились успеха при переходе одновременно к рыночной экономике и демократии. Этот успех стал возможен в результате счастливого сочетания идей, эмоций, обстоятельств и руководителей.

Поддержка экономических перемен

В процессе преобразования стран Центральной Европы естественным союзником реформаторов стало наследие коммунизма. Люди терпеливо поддерживали реформы, поскольку им не терпелось распрощаться с коммунистической системой. Начало 1990-х годов было сюрреалистическим временем: профсоюзы ратовали за сокращение рабочих мест, а экс-коммунистические партии настаивали на приватизации экономики.

Капитализм вызывал гнев, но не существовало ни партии, ни даже политического языка, которые могли бы организовать тех, кто пострадал в процессе преобразований. Коммунизм подорвал способность общества к коллективным действиям по классовому признаку. Любая критика рыночных отношений приравнивалась к ностальгии по коммунизму. За экономические перемены выступали и антикоммунисты, стоявшие в оппозиции к элите, – в силу своей идеологии, и экс-коммунистическая элита – в силу своих интересов.

Распространенная тоска по «возвращению в Европу», усиленная привлекательностью Европейского союза и НАТО (Организации североатлантического договора), позволили этим обществам примирить демократические инстинкты перераспределения доходов с необходимостью терпеливого долгосрочного подхода, ведущего к экономическому успеху. Это происходило по-разному в различных странах, но евроатлантическая интеграция обеспечила продолжение экономических реформ и не допустила политического регресса.

Успех посткоммунистических преобразований подвел новое поколение политологов к пересмотру возможности одновременного возникновения демократии и капитализма. Они объявили законом естественного развития то, что прежде считалось исторической удачей. Демократия

Члены профсоюзов в Польше (на снимке) и других странах считают, что проиграли в результате посткоммунистических преобразований.

и капитализм стали рассматриваться не как счастливая семейная пара, а как однойцевые близнецы.

Скептицизм по поводу демократии

Существовала тенденция к игнорированию напряженности в отношениях между демократией и капитализмом. Однако достаточно взглянуть на опыт таких стран, как Россия, Китай или Венесуэла, чтобы появились сомнения в существовании естественной тенденции капитализма порождать демократию или в естественной тенденции демократии поддерживать капитализм.

Опыт Центральной Европы также нуждается в некотором пересмотре. Спустя год после того, как демократические страны Центральной Европы стали членами Европейского союза, регион пережил встряску, обусловленную ростом популизма и национализма. Уровень неудовлетворенности демократией растет, и, согласно данным всемирного опроса «Голос народа – 2006», Центральная Европа, вопреки всем ожиданиям, является регионом мира, граждане которого наиболее скептически относятся к достоинствам демократии.

Во всем этом регионе население не доверяет политикам и политическим партиям. Люди считают, что политический класс коррумпирован и преследует собственные интересы. Переход к демократии в Центральной Европе был безусловно успешным, но привел к быстрому социальному расслоению, болезненно сказавшись на многих и в то же время возвысив привилегированное меньшинство.

В эпоху демократических преобразований множество судеб было разбито и множество надежд обмануто. Тот факт, что от этих преобразований в основном выиграли

образованные и имеющие обширные связи члены элиты старого режима, не способствовал возникновению симпатий к демократизации. Посткоммунистические демократии сегодня рассматриваются в качестве триумфа не эгалитаризма, а анти-эгалитаристских коммунистических элитарных кругов и антикоммунистических групп, находящихся в оппозиции к элите.

Внешние ограничения, введенные Европейским союзом для стран, готовившихся вступить в ЕС, были крайне важны для успеха реформ, но способствовали ощущению, что эти демократические страны лишены реального права на выбор.

Двадцать лет назад теоретики опасались, что у вновь возникающих демократий не будет тяги к капитализму. Сегодня мы видим, что у большинства народов Центральной Европы доверия к рыночным отношениям больше, чем к избирательной урне. ■

Мнение, выраженное в данной статье, не обязательно отражает точку зрения или политику правительства США.

Последствия этнических конфликтов

До Шин и Кристофер Реймонд

Вспышка насилия в Кении, демократической стране, раздираемой этническими конфликтами.

Исследования показывают, что политические и экономические реформы смягчают этнические конфликты даже в тех странах, в экономике которых доминирует этническое меньшинство. Так считают профессор политологии До Шин и аспирант, лектор-ассистент Кристофер Реймонд из Университета штата Миссури в Колумбии, штат Миссури.

В начале 2007 года Кения считалась одной из наиболее успешных демократических стран в Африке. В конце того же года в Кении воцарился хаос. Этническое насилие вспыхнуло в стране после того, как действующий президент Мваи Кибакви был объявлен по-

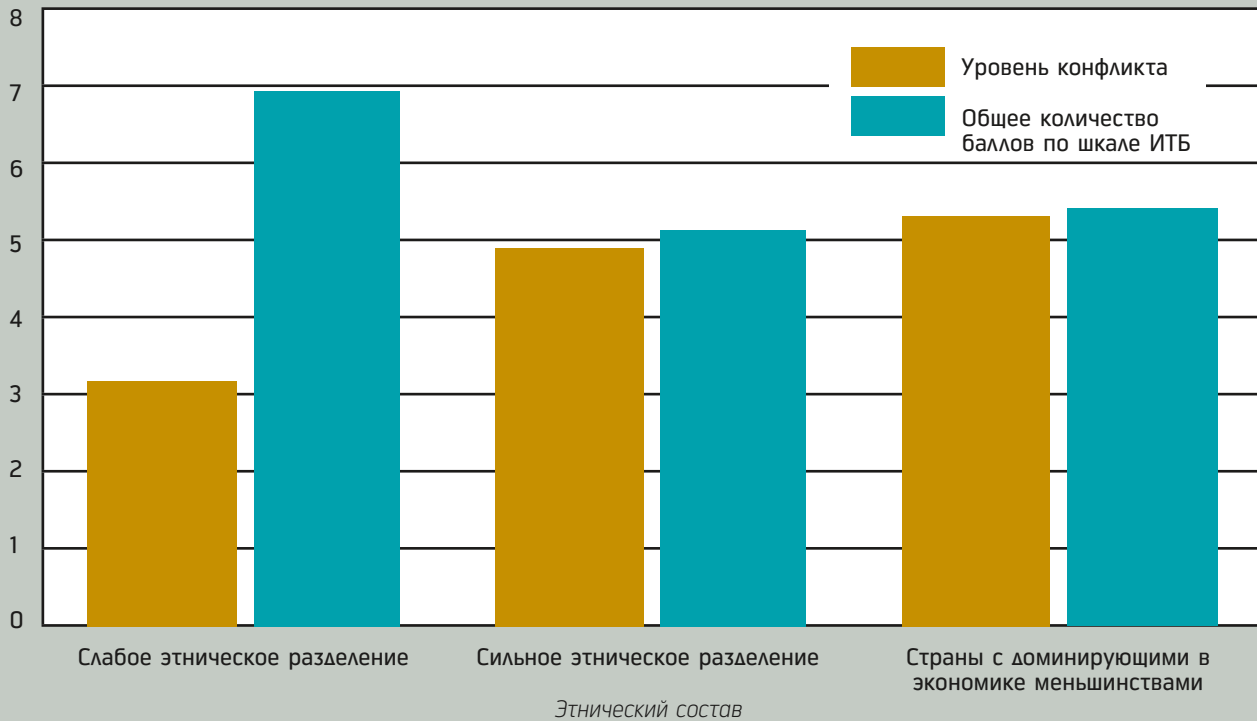
бедителем чрезвычайно спорных президентских выборов, которые состоялись 27 декабря 2007 года.

Луо, народность, поддерживающая проигравшего кандидата Раилу Одинггу, уже давно возмущались богатством и властью кикуйю – народности, к которой принадлежит президент Кибакви. Многие луо обвиняли Кибакви и кикуйю в подтасовке результатов выборов. В течение первых месяцев после выборов в ходе бурных протестов погибло до 1500 человек, 250 тысяч были вынуждены бежать в другие районы.

В результате этой вспышки этнического насилия, последовавшей за свободными и конкурентными выборами в одной из наиболее успешных демократических стран

Рисунок 1: Уровни конфликта, политические и экономические реформы по этническому составу

Усредненные величины

Африки, вновь начались дискуссии о том, следует ли в некоторых типах развивающихся стран одновременно вводить демократию и капитализм.

В течение десятилетий бытовало мнение, впрочем, разделявшееся не всеми, что демократия и свободный рынок связаны между собой и способствуют экономическому развитию и улучшению качества жизни граждан. По меньшей мере в одном исследовании утверждается, что параллельное введение демократии и свободного рынка в странах, где этническое меньшинство доминирует в экономике, может создать крайне взрывоопасную ситуацию, поскольку свободный рынок и демократия действуют в интересах разных этнических групп. Первый благоприятствует меньшинству, последняя – большинству.

К примеру, в таких странах, как Индонезия и Зимбабве, где узкое этническое меньшинство доминирует на рынке с несоразмерно значительными экономическими ресурсами, введение демократии и предоставление права голоса большинству, которому до того затыкали рот, может вызвать взрыв этнической ненависти и возмущения по отношению к богатым. В результате вспышка этнического насилия скорее всего замедлит, если не остановит полностью, развитие демократии и капитализма.

Разработка теста

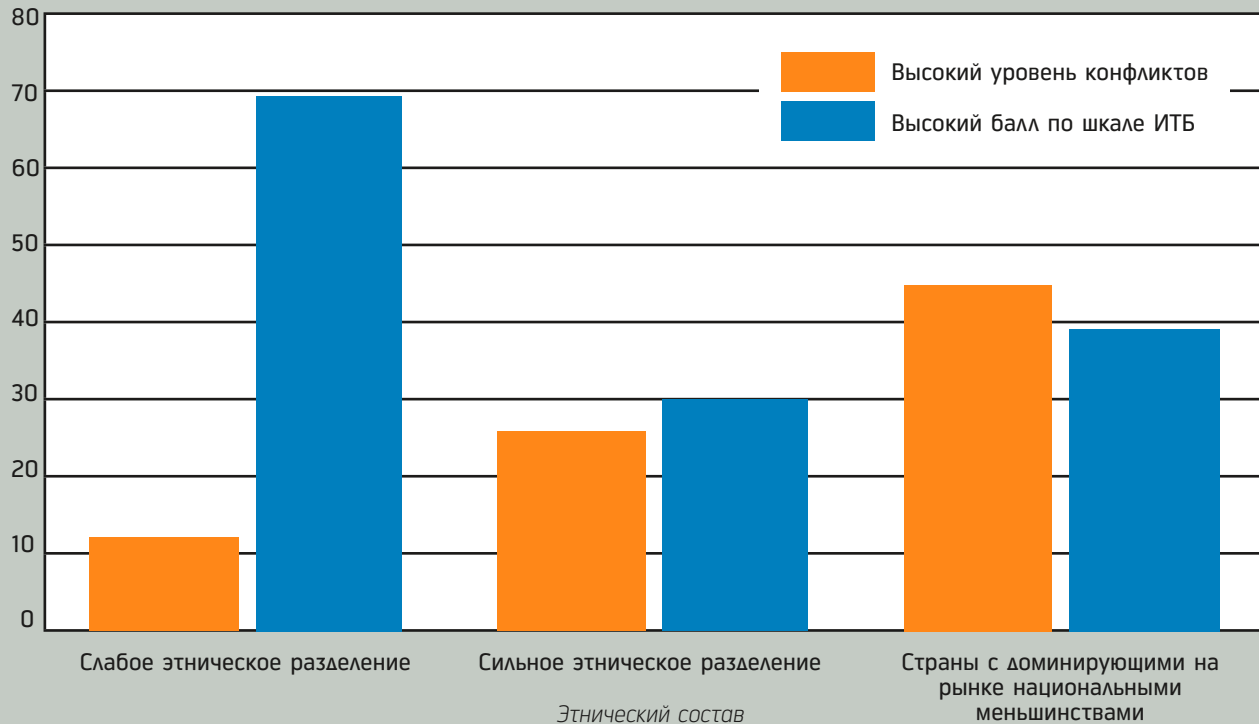
Мы решили проверить обоснованность попыток построить демократию капиталистического типа в этнически разделенных обществах, особенно тех, где доминирующее на рынке меньшинство терпит поражение в основном из-за вспышек политического насилия.

В наших тестах использовались два источника международных данных. Используя данные об этническом разнообразии, полученные гарвардским экономистом Альберто Алесиной и его коллегами, мы разделили 125 стран с разным уровнем политического и экономического развития на 3 группы по этническому составу. В результате получились следующие группы: страны без доминирующих на рынке меньшинств и со слабым этническим разделением (42), страны без доминирующих на рынке меньшинств и с сильным этническим разделением (47) и страны с доминирующими на рынке меньшинствами (36).

Используя данные индекса трансформации Бертельсмана (ИТБ), мы сравнили уровень социальных конфликтов в этих странах и уровень их достижений на пути демократических и экономических реформ. ИТБ измеряет политический и экономический статус 125 развивающихся

Рисунок 2: Общества с высоким уровнем социальных конфликтов и результативность реформ по этническому составу в процентном отношении

Процентное отношение

стран и стран в переходном состоянии по 11-балльной шкале, где 0 – нижний балл, а 10 – высший. Для простоты интерпретации мы сгруппировали страны по двум уровням – страны с низкими (от 0 до 5) и высокими (от 6 до 10) баллами, после чего вычислили процент стран, соответствующий каждому уровню.

На рис. 1 показан средний уровень социальных конфликтов в каждой из трех этнических групп. Самый высокий уровень конфликтов (5.3) наблюдается в странах с доминирующими на рынке этническими меньшинствами, следом за ними идут страны с сильным этническим разделением (4.9), а затем страны со слабым этническим разделением (3.2).

Как видно из диаграммы, высокий уровень конфликтности (6 и выше по шкале ИТБ) характеризует 2,44% стран с доминирующими на рынке меньшинствами, 26% стран с сильным этническим разделением и 12% стран со слабым этническим разделением. Страны с доминирующими на рынке меньшинствами характеризует значительно более высокий по сравнению с другими странами уровень социальных конфликтов и насилия.

На рис. 1 показан также средний уровень политических и рыночных реформ в наших трех группах. Страны

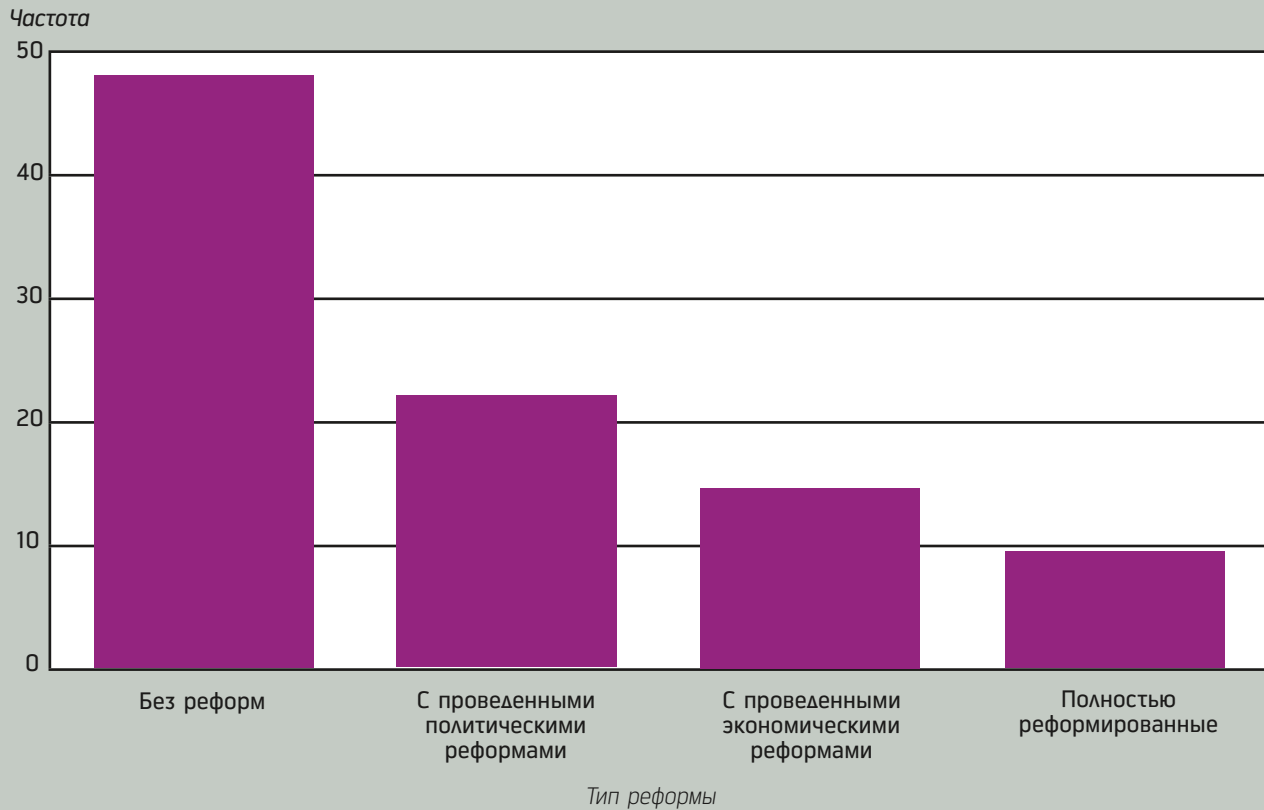
со слабым этническим разделением характеризуются наиболее высокой результативностью политических и экономических реформ (6.9), вслед за ними идут страны с доминирующими в экономике меньшинствами (5.4) и страны с сильным этническим разделением (5.1). Высокого уровня политических и экономических реформ (6 или выше по шкале ИТБ) достигли 69% стран со слабым этническим разделением, 39% стран, в экономике которых доминируют меньшинства, и 30% стран, где существует сильное этническое разделение (см. рис. 2).

Полученные результаты

Эти результаты указывают на то, что высокий уровень социальных конфликтов и насилия в этнически разделенных обществах затрудняет осуществление политических и экономических реформ. Тем не менее, в противоположность мнению других исследований, существование непропорционально богатых меньшинств в таких обществах не обязательно препятствует осуществлению этих реформ.

Как результативность политических и рыночных реформ влияет на этнические конфликты? Чтобы исследовать

Рисунок 3: Распространение социальных конфликтов высокого уровня в соответствии с особенностями демократических и экономических реформ

довать этот вопрос, мы разделили 125 развивающихся стран на 4 группы в зависимости от того, насколько они продвинулись по пути политических или рыночных реформ или тех и других вместе. Мы получили 4 категории стран: страны, не проводившие ни политических, ни экономических реформ (32 страны), осуществившие экономические реформы (17), осуществившие политические реформы (13), осуществившие политические и экономические реформы (63). В четвертую категорию вошли те страны, в которых демократизация и рыночные реформы проводились одновременно. По мнению другого исследователя, это как раз те страны, в которых разделенные по экономическому признаку этнические группы с большой вероятностью будут участвовать в конфликтах, сопряженных с насилием.

На рис. 3 показан процент стран с высоким уровнем социального конфликта для каждой из групп. В отличие от предположений других исследователей, социальные конфликты меньше всего распространены (10%) в странах, которые успешно осуществляют параллельное развитие, и больше всего (48%) в странах, которые не проводят никаких реформ. Посередине находятся страны, которые

провели только политические либо только экономические реформы. Высокий уровень социальных конфликтов характерен для 22% политически реформированных стран и 14% экономически реформированных стран.

Эти результаты позволяют предположить, что, как только страны трансформируют свои политические и экономические системы в успешные демократии капиталистического типа, опасность возникновения социальных конфликтов снижается. Этот вывод верен даже для стран с доминирующими на рынке меньшинствами.

Наш простой анализ предполагает, что этническое разделение действительно приводит к социальным конфликтам и насилию и в результате может тормозить трансформацию политических и экономических систем. Однако успешная трансформация обеих систем является эффективным способом смягчения социальных конфликтов и повышения качества жизни граждан даже в этнически разделенных обществах с доминирующими в экономике национальными меньшинствами. ■

Мнения, выраженные в настоящей статье, не обязательно отражают взгляды и политику правительства США.

Демократия и развитие: проблемные крайности

Дэниел Кауфманн

Фотография публикуется с разрешения киностудии Уолта Диснея

Пиратские корабли XVIII века были более демократичными и эффективными, чем торговые и военные корабли этого периода.

В долгосрочной перспективе свобода слова и прессы в союзе с подотчетностью демократического правительства народу приводят к положительным результатам в экономическом развитии, считает Дэниел Кауфманн, директор отделения государственного управления Института Всемирного банка.

Возможно ли экономическое развитие без демократии?

Достаточно легко заявить с уверенностью, что демократия является основным условием существования эффективной рыночной экономики и экономического роста, или сказать, что те или иные демократические системы в том виде, в каком мы их знаем в промышленно развитых странах Запада, – это единственный способ экономического развития в других частях света.

Но на чем основываются эти заявления: на доказательствах или на догме? К сожалению, анализ эмпирических данных не дает однозначного ответа. Точные науки здесь не помогут. Эта многогранная проблема относится к сфере социальных и политических исследований.

Неоднозначные данные

Данные о краткосрочном воздействии демократических изменений на экономический рост неоднозначны.

Более чем в дюжине серьезных научных работ исследуется воздействие демократии на экономический рост. Вырисовывается сложная картина. В целом ряде исследований на основании широких выборок по отдельным странам делается

Рисунок 1: Соотношение между выражением гражданского мнения и демократической подотчетностью и доходом на душу населения в 2006 г.

Доход на душу населения (Ppp)

Источники: WDI 2007 и «Вопросы управления VI: Индикаторы управления за 1996–2006 годы», Д. Кауфманн, А. Краай и М. Мастрucci, июль 2007.

www.govindicators.org

вывод о том, что демократия, как правило, не оказывает большого влияния на экономический рост. Один исследователь, не обнаружив непосредственной связи между демократизацией и уровнем экономического роста, отметил ее отдельные потенциально важные косвенные последствия: демократия может ассоциироваться с более высоким уровнем формирования людских ресурсов, микроэкономической и политической стабильностью, а также либерализацией рынков. Это, в свою очередь, способствует более высоким темпам экономического роста.

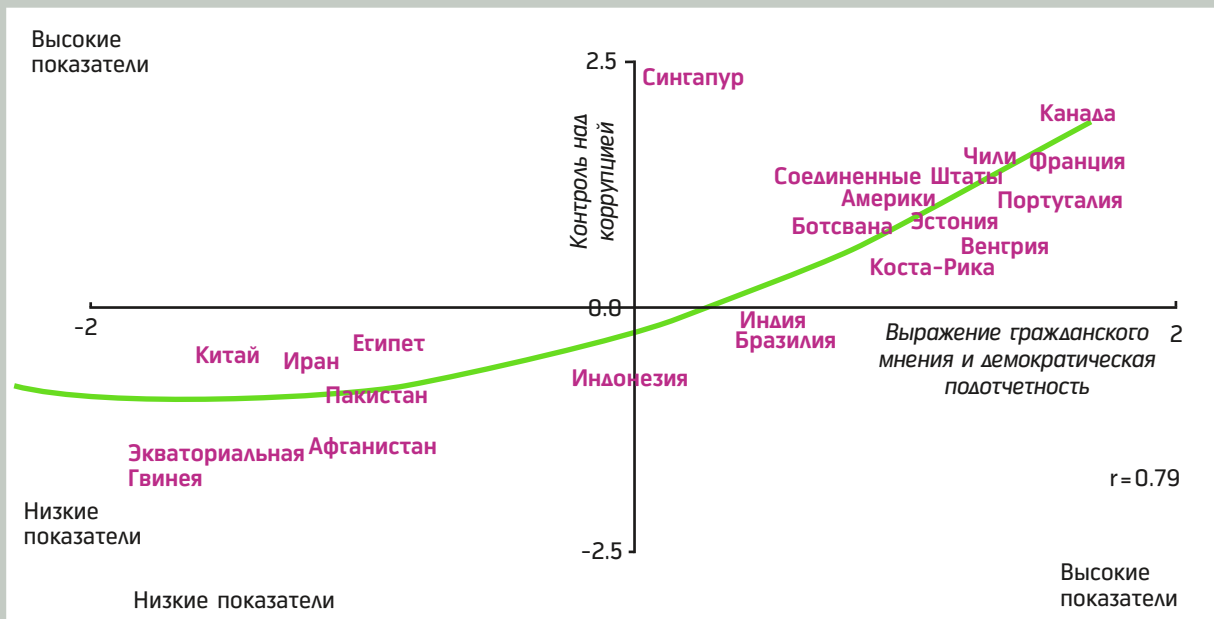
Другие исследователи приходят к выводу, что движение к демократии в странах с репрессивными политическими режимами в самом деле ассоциируется с более высокими темпами роста. Однако они утверждают, что после достижения определенного уровня политической либерализации дальнейшие демократические реформы уже не обеспечивают более высокий темп экономического роста. Наоборот, на промежуточных уровнях политической либерализации может происходить его замедление. Правда, еще одно недавнее исследование показывает, что переход к демократии не связан с замедлением роста.

Короче говоря, исследования указывают на отсутствие прямой причинно-следственной связи между демократией и экономическим развитием. Но нет и достаточно веских оснований для вывода о том, что политическая либерализация является причиной замедления экономического развития.

Краткосрочная перспектива, долгосрочная перспектива

Эти исследования в основном краткосрочные. Кроме того, необходимо иметь в виду основной момент в развитии: независимо от типа политического режима странам с меньшим доходом на душу населения присущи более высокие темпы экономического роста, чем индустриально развитым странам. Это происходит потому, что более бедные страны теоретически могут догнать более развитые, применяя для повышения производительности труда технологии, существующие в более развитых странах. В среднем развивающиеся страны обычно характеризуются более высокими темпами развития, чем более богатые страны. Сравните, например, Китай или Индию с США или Германией.

Рисунок 2: Контроль над коррупцией, выражение гражданского мнения и демократическая подотчетность

Источники: WDI 2007 и «Вопросы управления VI: Индикаторы управления за 1996–2006 годы», Д. Кауфманн, А. Краай и М. Мастрucci, июль 2007.

www.govindicators.org

Более медленный рост, наблюдаемый в процессе политической либерализации, отчасти может отражать сокращение возможностей для ускоренного технологического развития в условиях увеличивающейся индустриализации, а не влияние политического режима как такового. Так или иначе, оказывается, что между демократией и экономическим ростом в краткосрочной перспективе нет очевидной причинно-следственной связи.

Но рассмотрим демократию в более широком ракурсе и в долгосрочной перспективе.

Проблема может частично заключаться в слишком узком видении демократии как системы, в которой проводятся выборы и которая позволяет существовать более чем одной политической партии. Многие режимы, которые не проводили выборы 20 лет назад, сейчас их проводят, причем обычно допускают существование более чем одной политической партии, иногда впрочем без особенной радости.

Степень свободы и справедливости выборов в этих странах – это, естественно, другой вопрос. Более того, если посмотреть на последние провалы на выборах, например, в Кении и Зимбабве, то термин «свободные и справедливые» следует расширить до «честные, свобод-

ные и справедливые», чтобы таким образом более явно признать проблемы, связанные с коррупцией, покупкой голосов, прямой подтасовкой избирательных бюллетеней и другие формы нарушения избирательных норм, что только частично отражается в понятии «справедливых» выборов. Кроме того, учитывая давление политических и финансовых механизмов государства в некоторых странах, наличие более чем одной политической партии не означает сколько-нибудь значимой политической состязательности.

Это также не обязательно означает, что в этих странах имеется свобода выражения. В самом деле, как сообщает Дом Свободы (Freedom House), число стран, подпадающих под определение демократических, возросло с 75 в 1990 году (46% от всех стран) до 123 в 2006 году (64%). Но, согласно тому же Дому Свободы, с 1995 года до настоящего времени значительного прогресса в свободе печати в среднем по миру не наблюдалось. По данным за 2007 год, только в 37% стран печать полностью свободна (27% приходится на развивающиеся страны). Кроме того, как сообщает Дом Свободы, существенно более чем в 40% стран с демократическим строем (и почти в половине развивающихся стран) свобода печати отсутствует.

Поднимая голлос

Соответственно, узкое понимание демократии не включает в себя более широкое понятие «выражение мнения» (означающее свободу выражения, активный голлос) и демократическую подотчетность. В нашей оценке систем управления (мировые индикаторы управления) один из 6 разработанных нами индикаторов, а именно выражение своего мнения и демократическая подотчетность, основан на таком расширенном определении. Наше исследование, как и ряд других академических работ, обнаруживает важную причинно-следственную связь между улучшением управления и более высоким уровнем доходов.

Рисунок 1 показывает связь между выражением гражданского мнения и демократической подотчетностью с одной стороны и доходом на душу населения в мировом масштабе – с другой. В противоположность краткосрочным исследованиям, упомянутым ранее, эта связь может интерпретироваться как долгосрочная тенденция. Данные свидетельствуют о том, что если краткосрочную связь между формальной демократией и экономическим ростом проследить трудно, между выражением мнения и демократической подотчетностью в широком определении, с одной стороны, и экономическим развитием с другой стороны в более долгосрочной перспективе имеется весьма прочная связь.

Есть основания предполагать, что важный канал, через который активное выражение мнения может способствовать экономическому развитию, – это контроль над коррупцией. Большая свобода выражения, прозрачность, политическая состязательность могут существенно сдерживать системную коррупцию. Важность контроля над коррупцией для экономического развития уже подтверждалась научными исследованиями. Конкретная связь между выражением мнения и контролем над коррупцией показана на рисунке 2.

Но рисунки 1 и 2 также показывают, что ни одна из этих связей не является абсолютной. Выпадающие из схемы исключения существуют, например Сингапур (рис. 2). Конечно, город-государство Сингапур с очень высокими показателями по ключевым позициям управления помимо выражения мнения – это особый случай, и его опыт нелегко копировать в более крупных странах.

Пиратские корабли

Для анализа этих видов связей в социальных науках требуется больше, чем рассмотрение обширных совокупных данных по странам. Необходимо также тщательно изучать конкретные примеры и микро-данные отдельных стран.

Более десяти лет назад нами проводилось исследование определяющих факторов успеха инвестиционных проектов в развивающихся странах, финансируемых Всемирным банком. Как и ожидалось, мы выяснили, что качество экономической политики действительно имеет значение. Более неожиданным, по крайней мере, для экономистов, оказался тот факт, что гражданские права также имеют существенное значение. Чем более твердо соблюдаются в развивающейся стране гражданские права, тем больше шансов на успех у инвестиционных проектов.

Микроисследования исторического характера могут приводить и к другим открытиям. Недавно была опубликована блистательная работа по экономической истории, в которой проводится сравнение внутренней организации торговых, военных и пиратских кораблей 1700-х годов. На торговых и военных кораблях царила абсолютная диктатура, их капитаны обладали совершенно непререкаемой властью. На пиратских кораблях все было наоборот. На них существовали формальные (зачастую письменно зафиксированные) демократические структуры и правила, власть корабельного закона, в соответствии с которым осуществлялось разделение полномочий между капитаном и командой. Действовал принцип сдержек и противовесов, который ограничивал власть капитана, имелся закон о том, как делить пиратскую добычу, и т.д. То есть на пиратских кораблях было отлично организовано внутреннее взаимодействие между кровожадными бандитами. Это были весьма эффективные предприятия, резко отличавшиеся от авторитарных и раздираемых противоречиями коммерческих и военных кораблей того времени с обычными для них мятежами.

Является ли демократия необходимым условием для быстрого экономического роста? Или же демократическая подотчетность не важна для долгосрочного развития? Мы пришли к выводу, что ни то, ни другое не верно.

Больше чем выборы

В общем и целом, политические институты и институты управления, которые содействуют развитию политической состязательности, демократической подотчетности, системы сдержек и противовесов, могут положительно отразиться на экономическом развитии в долгосрочной перспективе. В краткосрочный период эта связь менее ясна.

Более широкая перспектива, включающая полный диапазон свободы выражения, голоса и демократической подотчетности, также важна. Узкие определения демократии, основанные исключительно на факте проведения или отсутствия выборов (или официальной регистрации более чем одной партии), часто упускают из виду такую составляющую, как выражение гражданами своего мнения.

Более далекая и широкая перспектива также важна, поскольку известно, что демократические изменения даются с трудом. Они могут приводить к различным краткосрочным экономическим результатам, и в экономике может наблюдаться обратное движение. Развитие

– это сложный, напряженный и часто негарантированный процесс. Некоторые принципы развития, такие как макроэкономическая стабильность и низкий уровень коррупции, как правило, универсальны, но единого рецепта успешного экономического развития не существует.

Как бы то ни было, данные говорят о том, что гражданские свободы и свобода выражения могут сделать систему более прозрачной и лучше управляемой и обеспечить более стабильное экономическое развитие с участием населения. В дополнение к свободным и справедливым выборам и более эффективной многопартийной политической системе важна также реальная свобода печати и других средств коммуникации. В современном мире такие медийные нововведения, как блоги и текстовые сообщения, дополняя местное радиовещание в бедных сельскохозяйственных районах, меняют смысл свободы слова и демократической подотчетности и открывают неограниченные возможности для совершенствования системы управления и развития экономики. ■

Мнения, выраженные в настоящей статье, принадлежат исключительно автору и не обязательно отражают официальную позицию или политику Всемирного банка или правительства США.

Приведет ли более свободный рынок к более демократическому устройству России?

Андерс Аслунд

Россияне продолжают голосовать даже отказываясь от демократии.

По мнению Андерса Аслунда, Россия повернула назад – к авторитарному образу правления, несмотря на экономический бум, уровень образования и относительно открытое общество. Он считает, что причина этого – коррупция. Аслунд, старший научный сотрудник Института международной экономики им. Петерсона, является автором книги «Капиталистическая революция в России: Почему рыночные реформы имели успех, а демократия потерпела неудачу» (Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform

Succeeded and Democracy Failed. Peterson Institute for International Economics, 2007).

За последние три десятилетия демократия необычайно распространилась по всему миру. Явление, которое политолог Сэмюэл Хантингтон назвал «третьей волной» демократизации и которое началось в Испании и Португалии в середине 1970-х годов, привело к увеличению числа демократических стран мира с 41 (в 1974 году)

Президент Дмитрий Медведев и премьер-министр Владимир Путин: долго ли продержится авторитаризм?

до 123 (в 2007 году), согласно авторитетным оценкам неправительственной организации «Фридом хаус». Впервые в мировой истории большинство людей планеты проживает в демократических странах.

В своей фундаментальной статье 1959 года влиятельный политолог и социолог Сеймур Мартин Липсет выступил с утверждением, что вероятность установления демократии в какой-либо стране увеличивается с повышением уровня доходов, образования населения и открытости страны для внешней торговли и зарубежных поездок.

Поскольку уровень доходов, образования и открытости значительно повысился за последние три десятилетия во всем мире, такой прогресс демократии не удивителен. Как правило, демократия и более свободные рыночные отношения развиваются вместе, но это не слишком строгая корреляция.

Тем не менее, в последние годы некоторые известные страны отвернулись от демократии. Самыми яркими примерами являются Россия, Нигерия и Венесуэла, и настоящая статья посвящена России. Многие также указывают на пример Китая, который неуклонно развивается в течение трех десятилетий, но при этом остается глубоко авторитарным государством.

В своей недавней статье интеллектуал-неоконсерватор Роберт Каган утверждал: «Сейчас складывается впечатление, что чем богаче становится страна, будь то Китай или Россия, тем проще автократам удерживать власть. Большие деньги позволяют поддерживать довольство буржуазии и дают правительству возможность контролировать горстку недовольных, которые изливают душу в интернете».

Тем не менее, еще слишком рано делать такие пессимистические выводы. Китай, в отличие от России, все еще остается развивающейся страной. Даже сегодня объем валового внутреннего продукта (ВВП) Китая на душу на-

селения по нынешнему валютному курсу составляет всего лишь четверть ВВП России. В соответствии с традиционными критериями Липсета Китай и должен быть авторитарным государством.

Противоречие

Россия, однако, слишком богата, слишком образована и слишком открыта, чтобы быть настолько авторитарной. Чем быстрее развивается Россия, тем глубже становится это противоречие – между становящейся все более реликтовой политической системой и быстро модернизирующимися экономикой и обществом. Страна превратилась в аномалию.

В настоящее время ВВП России на душу населения, измеряемый в паритетах покупательной способности, то есть уровень жизни, составляет достойную треть от ВВП Европейского союза. Лишь восемь стран мира богаче России и при этом остаются недемократическими: Сингапур и семь небольших нефтяных государств. Россия одновременно гораздо больше по территории и меньше зависит от нефти и газа, чем любая из этих авторитарных нефтяных стран.

Многие политологи указывают на нынешние обильные доходы России от продажи нефти как на главную причину сохранения авторитарного правления. В своей замечательной книге, где регрессивный анализ применяется ко многим странам, Стивен Фиш, профессор университета Калифорнии в Беркли, определяет три причины авторитаризма России: избыток нефти, недостаточное сокращение государственного регулирования экономики и слишком слабую законодательную власть.

Корифей российской истории, профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс подчеркивает мощную авторитарную традицию страны – как на практике, так и в идеях. Современная послеимперская ностальгия, как и послереволюционная стабилизация, также вносят свой вклад. Россияне устали от политики, и в экономических трудностях 1990-х годов они винят не развал коммунизма, а демократию, пришедшую вслед за ним. Они восхваляют бывшего президента Владимира Путина за неуклонный рост экономики на 7 процентов ежегодно начиная с 1999 года.

На вопрос о том, стабилен ли авторитаризм России, лучше всего ответить, определив его цели. Начиная с 2003 года, когда Россия стала по-настоящему авторитарной страной, реформы там не проводились, а значит, целью не являлись.

Вместо этого самым заметным процессом в России был рост коррупции, при том, что уровень коррупции обычно снижается, когда страна становится богаче, что и произошло в большинстве других пост-коммунистичес-

Здание правления газовой монополии «Газпром»: высокие цены на энергоносители помогли продлить жизнь авторитарному правлению.

ких стран. По данным неправительственной организации «Транспэрэнси интернэшнл», единственной страной мира, которая одновременно богаче и коррумпированнее России, является Экваториальная Гвинея, а она вряд ли может служить образцом великой, вошедшей в историю страны.

Крупномасштабная коррупция

Такие достоверные и независимые российские исследования, как «Путин. Итоги» Владимира Милова и Бориса Немцова, фиксируют «откаты» по крупным проектам инфраструктуры в размере по меньшей мере от 20 до 50 процентов общей стоимости проекта. Российские чиновники высшего ранга ежегодно крадут у государства и государственных корпораций миллиарды и миллиарды долларов. Группа офицеров-разведчиков из КГБ возглавляет каждую государственную корпорацию и выдает

из нее деньги, одновременно приобретая хорошие частные компании на государственные средства и за счет кредитов зарубежных банков.

По-видимому, ни одна страна никогда не испытывала такой крупномасштабной коррупции в высших эшелонах власти, какая сейчас наблюдается в России. Такое вряд ли может продолжаться очень долго. Государство просто перестает функционировать. Описанная ситуация должна измениться уже в краткосрочной перспективе. Любому правителю России придется начать серьезную кампанию против коррупции, но это само по себе может стать дестабилизирующим фактором.

Это усугубление коррупции началось с конфискации нефтяной компании «Юкос», начатой в 2003 году. С тех пор большие, эффективно управляемые частные корпорации ренационализируются одна за другой. Любопытно, что при этом не указывается никакой идеологической цели, а национализация, по всей видимости, является для государственных чиновников способом захвата активов по дешевке или получения «откатов».

Поэтому рост роли государства в российской экономике сопровождается ростом коррупции. Более свободные рыночные отношения сократили бы коррупцию, и тогда чиновникам высшего звена не понадобилось бы так много авторитарности. Государство направляет нефтяное богатство в карманы своих чиновников высшего ранга, а более свободные рыночные отношения не допустили бы этого.

Естественно, столь крупномасштабная коррупция замедляет рост экономики. В настоящее время производство и нефти, и газа пошло на убыль. Россия может позволить себе коррупцию такого размаха только благодаря очень высоким и продолжающим расти ценам на нефть. Если цены на нефть придут в норму, народ России спросит, куда исчезли все деньги – и то, что многие уже знают, станет очевидно каждому.

Ни одно крупное государство с образованным населением не смогло ни сохранить авторитарное правление, ни остаться настолько коррумпированным на том уровне экономического развития, на каком находится Россия. ■

Мнения, выраженные в данной статье, не обязательно отражают точку зрения или политику правительства США.

Библиография

Дополнительная литература о рыночных отношениях и демократии

Åslund, Anders. *How Capitalism Was Built: The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia and Central Asia.* New York, NY: Cambridge University Press, 2007.

Åslund, Anders. *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed.* Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.

Barro, Robert J. "Democracy and Growth." *Journal of Economic Growth*, vol. 1 (1996): pp. 1–27.

Baum, Matthew A., and David A. Lake. "The Political Economy of Growth: Democracy and Human Capital." *American Journal of Political Science*, vol. 47, no. 2 (2003): pp. 333–347.

Comeau, Ludovic Jr. "Democracy and Economic Growth: A Relationship Revisited." *Eastern Economic Journal*, vol. 29, no. 1 (2003): pp. 1–21.

Dabrowski, Marek, Ben Slay, Jaroslaw Neneman, eds. *Beyond Transition: Development Perspectives and Dilemmas.* Aldershot, Hants, England; Burlington, VT: Ashgate, 2004.

Doucouliaqos, Hristos, and Mehmet Ali Ulubasoglu. "Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis." *American Journal of Political Science*, vol. 52, no. 1 (2008): pp. 61–83.

Feng, Yi. "Democracy, Political Stability and Economic Growth." *British Journal of Political Science*, vol. 27, no. 3 (1997): pp. 391–418.

Gasiorowski, Mark J. "Democracy and Macroeconomic Performance in Underdeveloped Countries." *Comparative Political Studies*, vol. 33, no. 3 (2000): pp. 319–349.

Gerring, John, William T. Barndt, and Philip Bond. "Democracy and Growth: A Historical Perspective." *World Politics*, vol. 57, no. 3 (2005): pp. 323–364.

Geo, Uk, and Alexander C. Tan. "Democracy and Economic Growth: A Causal Analysis." *Comparative Politics*, vol. 33, no. 4 (2001): pp. 463–473.

Graham, Carol, and Susan M. Collins, eds. *Brookings Trade Forum, 2004.* Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004.

Graham, Carol, and Stefano Pettinato. *Happiness and Hardship: Opportunity and Insecurity in New Market Economies.* Washington, DC: Brookings Institution Press, 2002.

Harrison, Lawrence E. *The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself.* New York, NY: Oxford University Press, 2006.

Harrison, Lawrence E. and Peter L. Berger, eds. *Developing Cultures: Case Studies.* New York, NY: Routledge, 2006.

Harrison, Lawrence, and Jerome Kagan, eds. *Developing Cultures: Essays on Cultural Change.* New York, NY: Routledge, 2006.

Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Massimo Mastruzzi. "Governance Matters VI, Governance Indicators for 1996-2004." World Bank Policy Research Working Paper No. 4280 (2007). http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=999979

Kaufmann, Daniel, and Aart Kraay. "Growth Without Governance." World Bank Policy Research Working Paper No. 2928 (2002). http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=316861

Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, and Massimo Mastruzzi. "Governance Matters IV, Governance Indicators for 1996-2004." World Bank Policy Research Working Paper No. 3630 (2005). http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=718081

Kaufmann, Daniel, Joel Hellman, and Geraint Jones. "Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition." World Bank Policy Research Working Paper No. 2444 (2000).
http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=240555

Kaufmann, Daniel, Lant Pritchett, and Jonathan Isham. "Civil Liberties, Democracy, and the Performance of Government Projects." *World Bank Economic Review*, vol. 11, no. 2 (1997): pp. 219–242.
http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1116669

Leeson, Peter T. "An-arrgh-chy: The Law of Economics of Pirate Organization." *Journal of Political Economy*, vol. 115, no. 6 (2007): pp. 1049–1094.

Mandelbaum, Michael. *Democracy's Good Name: The Rise and Risks of the World's Most Popular Form of Government*. New York: Public Affairs, 2007.

Oppenheim, Lois H. *Politics in Chile: Socialism, Authoritarianism, and Market Democracy*. 3rd ed. Boulder, CO: Westview Press, 2007.

Padayachee, Vishnu, ed. *The Development Decade?: Economic and Social Change in South Africa, 1994–2004*. Cape Town, South Africa: HSRC Press, 2006.

Persson, Torsten & Tabellini, Guido, 2007. "The Growth Effect of Democracy: Is It Heterogeneous and How Can It Be Estimated?" CEPR Discussion Papers 6339 (2007).
<http://ideas.repec.org/p/cpr/ceprdp/6339.html>

Przeworski, Adam. "Democracy and Economic Development," *The Evolution of Political Knowledge*, edited by Edward D. Mansfield and Richard Sisson. Columbus, OH: Ohio State University Press, 2004.

Plumper, Thomas, and Christian W. Martin. "Democracy, Government Spending and Economic Growth: A Political-Economic Explanation of the Barro-Effect." *Public Choice*, vol. 117 (2003): pp. 27–50.

Root, Amanda. *Market Citizenship: Experiments in Democracy and Globalization*. Los Angeles, CA: Sage, 2007.

Shin, Doh Chull, and Russell J. Dalton, eds. *Citizens, Democracy, and Markets Around the Pacific Rim: Congruence Theory and Political Culture*. New York, NY: Oxford University Press, 2006.

Tavares, Jose, and Romain Wacziarg. "How Democracy Affects Growth." *European Economic Review*, vol. 45 (2000): pp. 1341–1378.

Tsai, Kellee S. *Capitalism Without Democracy: The Private Sector in Contemporary China*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

Следующие документальные фильмы можно заказать по каталогу фильмов Государственного департамента на 2008 год "State Department Video Catalog 2008":

Африка открыта для бизнеса (2005)

Продолжительность: 60 минут

Краткое содержание: Этот документальный фильм бросает вызов сложившимся стереотипам и доказывает, что к Африке не применимы простые определения. Фильм рассказывает о компаниях Нигерии, Кении, Ганы, Лесото, Сенегала, Ботсваны, Уганды, Зимбабве и Сомали.

Командные высоты (2002)

Продолжительность каждой серии: 60 минут

Краткое содержание: Документальный телесериал общественной телекомпании Пи-Би-Эс (PBS) рассказывает о новой мировой экономике, о борьбе между правительствами и рынком и о страстях вокруг глобализации.

Бангладешский Женский Банк (1996)

Продолжительность: 47 минут

Краткое содержание: ссуды на развитие малого бизнеса в знаменитом банке «Грамин» могут получить исключительно женщины. Фильм рассказывает о повседневной жизни и работе трех женщин, получивших ссуды на финансирование домашнего бизнеса.

America.gov
Telling America's Story

Home of eJournalUSA

<http://www.america.gov>

**A
MONTHLY
JOURNAL
OFFERED IN
MULTIPLE
LANGUAGES**

